

Иногда
спасение
стоит дороже
жизни...

НЕВЕСТА ПОСЛЕДНЕГО ПАЛАЧА

Дмитрий Уотич

Невеста последнего палача

«Автор»

2026

Уотич Д.

Невеста последнего палача / Д. Уотич — «Автор», 2026

В королевстве Эйрвен за запретную магию платят жизнью. Вера Эстель знала об этом, но никогда не думала, что однажды сама окажется на эшафоте. Её обвиняют в убийстве наследного принца, и единственный, кто может отсрочить казнь, — Каэл Вейр, последний палач королевства. Он не стареет, не боится смерти и забирает души своих жертв. За его бессмертием скрывается древний договор, а за холодным взглядом — преступление, которое он не способен себе простить. Чтобы раскрыть тайну принца и выжить, Вере придётся довериться человеку, которого следовало бы ненавидеть. Но чем ближе она подбирается к прошлому Каэла, тем яснее понимает: их встреча не случайна. В Эйрвене мёртвые помнят каждую клятву, кровь хранит чужие воспоминания, а любовь может оказаться страшнее проклятия. Что выберет Вера, когда узнает цену спасения? И сможет ли полюбить того, кто однажды отнял жизнь у любимого человека?

© Уотич Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Казнь на рассвете	5
Глава 2. Дорога в дом мёртвых	13
Глава 3. Западное крыло	22
Глава 4. Сердце под замком	29
Глава 5. Цена одного удара	43
Глава 6. Сердце наследника	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Невеста последнего палача

Глава 1. Казнь на рассвете

Вера всегда считала, что у смерти должен быть запах.

У мёртвых животных пахло гниющей плотью. У стариков — лекарствами и застоявшимся воздухом. После пожаров оставался запах обугленной древесины, а после войн — крови, смешанной с мокрой землёй.

Но человек, лежавший перед ней на каменном столе, не пах ничем.

Вера осторожно отвела с его лба прилипшие к коже волосы. Молодой мужчина, лет двадцати пяти, с тонким шрамом на подбородке и обручальным кольцом на безымянном пальце. Его губы посинели, а под ногтями запеклась чёрная кровь.

— Кто тебя убил? — тихо спросила она.

Разумеется, труп не ответил.

За узким окном моросил дождь. Вода стекала по мутному стеклу, превращая ночной город в расплывчатое пятно из покосившихся крыш, кривых переулков и редких жёлтых огней. Где-то внизу ругались торговцы, пытаясь спасти товар от непогоды. Скрипела телега. Лаяла собака.

Обычная ночь в нижнем городе.

Вера достала из кармана фартука небольшой костяной нож.

— Прости, — сказала она покойнику. — Я знаю, что тебе не понравится.

Она надрезала кожу на большом пальце и позволила нескольким каплям крови упасть на его грудь.

Кровь была нужна не всегда. Иногда достаточно было прикосновения к кости. Но в этом случае Вера хотела увидеть нечто определённое.

Она закрыла глаза.

Сначала ничего не произошло.

Потом холодный воздух коснулся её лица.

Не ветер из открытого окна. Не сквозняк из коридора.

Дыхание мертвеца.

Вера замерла.

— Ну же, — прошептала она. — Покажи мне.

Мужчина на столе резко выгнулся.

Вера отшатнулась, едва не опрокинув жестяную лампу. По его раскрытым губам пробежала тень, словно внутри тела что-то проснулось и попыталось выбраться наружу. На мгновение показалось, что покойник сейчас вдохнёт.

Но грудь осталась неподвижной.

А затем Вера увидела.

Сначала появился свет.

Слепящий, золотистый свет множества свечей. Потом проступили очертания огромного зала с мраморными колоннами, тяжёлыми шторами и высоким потолком, украшенным фресками. На стенах висели знамёна королевства Эйрвен: серебряная корона над чёрным солнцем.

Посреди зала стоял мужчина.

Вера не видела его лица. Только тёмный силуэт, длинный плащ и руку, сжимавшую рукоять меча.

Перед ним на коленях стоял молодой человек.

Тот самый, что лежал сейчас на каменном столе.

— Я выполнил приказ, — говорил мертвец. — Клянусь, я никому не рассказал.

— Ты рассказал, — ответил незнакомец.

Голос был спокойным.

Слишком спокойным для человека, собирающегося убить другого.

— Нет. Нет, я ничего не говорил! Я даже не знаю, о чём вы...

Меч блеснул в свете свечей.

Вера услышала короткий вскрик.

А затем мир изменился.

Зал исчез. Вместо него возникла небольшая комната с распахнутым окном. За окном бушевала гроза. На полу лежал человек в королевском одеянии, а рядом с ним стояла девушка.

Девушка была одета в простое серое платье. Её светлые волосы рассыпались по плечам, а руки были перепачканы кровью.

Вера не могла разглядеть её лица.

Но знала, что смотрит на саму себя.

Не на отражение. Не на чужой образ, случайно похожий на неё.

На себя.

Девушка повернулась к кому-то, стоявшему за пределами видения.

— Ты опоздал, — произнесла она.

Вера почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод.

Она знала этот голос.

Это был её собственный голос.

— Вера!

Видение раскололось.

Она распахнула глаза и обнаружила, что лежит на полу. Костяной нож валялся возле двери, лампа чудом удержалась на столе, а покойник по-прежнему неподвижно лежал на каменной плите.

За окном начинало светать.

Вера с трудом поднялась. Голова кружилась, во рту стоял металлический привкус.

Она не могла объяснить увиденное.

Но одно знала точно.

Мужчину убили в королевском дворце.

И перед смертью он видел её.

Хотя они никогда не встречались.

В дверь постучали трижды.

Вера вздрогнула.

— Закрыто! — крикнула она.

— Королевская стража! Откройте немедленно!

Она выругалась сквозь зубы.

Вот теперь начиналось самое интересное.

Вера быстро смахнула кровь со стола, завернула костяной нож в тряпицу и спрятала его в потайной карман юбки. Затем накрыла тело простыней.

В дверь снова ударили.

— Последнее предупреждение!

— Если вы сломаете дверь, платить за неё будете сами! — крикнула Вера.

На мгновение воцарилась тишина.

Затем раздался мужской голос:

— Я бы на вашем месте не беспокоился о дверях.

Вера узнала этот голос.

Её желудок сжался.

Она медленно повернулась к окну.

На соседней крыше стоял человек в чёрном плаще. Дождь стекал по его плечам, ветер трепал полы одежды. Он находился слишком далеко, чтобы Вера могла рассмотреть лицо, но почему-то сразу поняла: он смотрит именно на неё.

Мужчина поднял руку.

И постучал по стеклу.

С внутренней стороны.

Вера отшатнулась.

Она успела увидеть, как на стекле, словно написанные невидимым пальцем, проступили три слова:

НЕ ВЕРЬ МЁРТВЫМ.

А потом мужчина исчез.

Не спрыгнул с крыши. Не растворился в тумане.

Просто перестал существовать в том месте, где только что стоял.

В дверь ударили в третий раз.

На этот раз дерево треснуло.

— Открывайте! Именем короля!

Вера посмотрела на покойника.

Затем на окно.

Она не верила в совпадения. Слишком часто именно так начинались истории, заканчивавшиеся чужими похоронами.

Она открыла дверь сама.

На пороге стояли четверо стражников. На их доспехах блестели капли дождя, а на поясах висели короткие мечи. Впереди находился мужчина с рыжими усами и лицом человека, который давно разучился удивляться.

Он окинул взглядом комнату.

— Вера Эстель?

— Смотря кто спрашивает.

— Капитан Рейнар. Вы арестованы по подозрению в колдовстве, незаконном проникновении в королевские владения и убийстве наследного принца.

Несколько секунд Вера молчала.

Потом рассмеялась.

Не потому, что ей было смешно. Просто иногда разум отказывался принимать происходящее и выбирал единственный доступный способ защититься.

Капитан не улыбнулся.

— Вам предъявлено обвинение в убийстве принца Адриана Эйрвенского. Его тело обнаружено сегодня ночью в личных покоях. Свидетели утверждают, что вы были замечены во дворце незадолго до его смерти.

— Свидетели ошибаются.

— Разберёмся.

— А если я скажу, что никогда не была во дворце?

— Тогда скажете это королевскому судье.

Вера посмотрела на стражников. Двое держались настороженно, третий явно боялся её, а четвёртый всё время поглядывал на накрытый простынёй стол.

— Вы пришли за мной, — сказала она. — Но откуда узнали, что я здесь?

Капитан нахмурился.

— Что?

— Вы нашли меня за несколько часов после убийства. Я живу в нижнем городе, где даже королевские сборщики налогов умудряются теряться. Кто-то должен был сообщить вам мой адрес.

— У нас есть свои методы.

— Разумеется.

Вера улыбнулась.

— А я-то надеялась, что вы скажете правду.

Капитан шагнул вперёд и схватил её за запястье.

В тот же миг Вера почувствовала знакомый холод.

Не от его прикосновения.

От чего-то, находившегося за его спиной.

Стражники одновременно повернули головы.

На лестнице стоял человек.

Высокий, одетый в длинный чёрный плащ, застёгнутый у горла серебряной застёжкой. На его плечах лежали капли дождя, но тёмная ткань не казалась мокрой. Чёрные волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и резкие скулы.

Лицо незнакомца могло бы показаться красивым, если бы не глаза.

Они были серыми, почти бесцветными, и смотрели на окружающий мир с таким равнодушием, словно всё увиденное давно перестало иметь значение.

На поясе мужчины висел длинный меч в чёрных ножнах.

Капитан немедленно отпустил Вера.

— Господин Вейр.

Человек на лестнице не ответил на приветствие.

Он посмотрел на тело под простынёй.

— Кто это?

— Мужчина по имени Эдгар Молл, — ответила Вера раньше капитана. — Портной. Был женат. Любил дешёвое вино и не любил платить за работу.

Незнакомец перевёл взгляд на неё.

— Вы его знали?

— Я знаю его последние воспоминания.

В комнате стало тихо.

Капитан медленно перекрестился знаком Эйрвенской церкви.

— Ведьма.

— Если вы собираетесь повторять это слово каждый раз, когда слышите что-то непонятное, советую заранее подготовить более длинный список ругательств, — ответила Вера.

Незнакомец едва заметно склонил голову.

В его глазах что-то изменилось. Не удивление. Скорее интерес, возникший у человека, который неожиданно обнаружил трещину в привычном порядке вещей.

— Ваше имя? — спросил он.

— Вы ведь уже знаете.

— Хочу услышать его от вас.

— Вера Эстель.

Мужчина повторил её имя беззвучно, одними губами.

И вдруг Вера почувствовала, как что-то внутри неё отозвалось на этот звук.

Словно её сердце на мгновение забыло, как биться.

Незнакомец нахмурился.

Впервые за всё время его лицо перестало быть совершенно бесстрастным.

Он медленно подошёл к ней.

Стражники расступились, не произнеся ни слова.

- Как давно вы занимаетесь некромантией? — спросил он.
- Я не некромантка.
- Вы только что сказали, что знаете последние воспоминания мертвеца.
- Это не делает меня некроманткой.
- А что же тогда?
- Женщиной, которой не повезло родиться с необычным даром.
- Необычные дары редко бывают безобидными.
- А мужчины, которые задают слишком много вопросов, редко бывают приятными.

Капитан шумно втянул воздух.

Вера решила, что сейчас её ударят.

Но незнакомец вдруг усмехнулся.

Это была короткая, почти незаметная усмешка. Она не смягчила его лицо, а сделала его ещё опаснее.

— Каэл Вейр, — представился он.

Вера почувствовала, как кровь отливает от её лица.

Она знала это имя.

Каждый ребёнок в Эйрвене знал его.

Последний палач королевства.

Человек, который казнил колдунов, предателей и тех, кого король желал убрать без лишнего шума. Человек, не старевший уже полтора столетия. Человек, которому приписывали столько жестокостей, что некоторые родители пугали им непослушных детей.

Если король хотел, чтобы человек умер, он посылал Каэла Вейра.

Если хотел, чтобы человек исчез, тоже посылал Каэла Вейра.

А если хотел, чтобы о человеке забыли даже после смерти...

Вера не желала думать о последнем варианте.

— Значит, вы и есть палач, — произнесла она.

— А вы разочарованы?

— Я ожидала, что вы будете выглядеть старше.

— Я ожидал, что вы будете умнее.

Вера прищурилась.

— Мы оба переживём это разочарование.

Каэл посмотрел на капитана.

— Оставьте нас.

— Но, господин Вейр, приказ короля...

— Я знаю, что написано в приказе.

— Нам велено доставить обвиняемую во дворец.

— Вы доставите её туда, когда я закончу.

Капитан побледнел.

— Разумеется.

Он коротко поклонился и жестом приказал стражникам выйти. Последний из них задержался у двери, с опаской глядя на Веру, но капитан выдернул его в коридор.

Когда дверь закрылась, в комнате стало непривычно тихо.

Каэл обошёл стол и остановился возле покойника.

— Вы действительно видели его воспоминания?

— Да.

— Что именно?

— Мужчину, который убил его.

— Вы видели лицо?

— Нет.

— Голос?

Вера замялась.

— Да.

— Опишите его.

— Нет.

Каэл медленно повернул голову.

— Прошу прощения?

— Я сказала «нет». Вы ведь не собираетесь притворяться, будто попросили меня об одолжении?

— Вы обвинены в убийстве наследного принца. Ваше положение не располагает к дерзости.

— А ваше положение не располагает к вежливости?

Каэл несколько секунд смотрел на неё.

Затем снял перчатку.

Его рука была бледной, с длинными пальцами и тонкими шрамами, пересекавшими ладонь. На запястье темнела отметина, похожая на кольцо из переплетённых чёрных корней.

Вера никогда не видела ничего подобного.

Но, едва заметив знак, почувствовала острую боль в груди.

Она схватилась за край стола.

Каэл мгновенно оказался рядом.

— Что с вами?

— Ничего.

— Вы побледнели.

— Вы всегда настолько наблюдательны?

Он не ответил.

Вместо этого взял её за руку.

Вера попыталась вырваться, но пальцы Каэла сомкнулись вокруг её запястья. Прикосновение оказалось ледяным.

А затем случилось невозможное.

Внутри груди Веры что-то ударило.

Раз.

Другой.

Третий.

Сердце Каэла.

Она услышала его так отчётливо, словно сама находилась внутри его тела. Тяжёлые, медленные удары разносились по костям, отдавались в зубах и висках.

Мужчина резко отпустил её.

На его лице появилось выражение, которого Вера не могла истолковать.

— Этого не может быть, — прошептал он.

— Чего?

Каэл посмотрел на собственную ладонь.

На ней выступила тонкая капля крови.

Он не двигался. Не моргал. Смотрел на красную каплю так, словно видел её впервые в жизни.

Вера перевела взгляд на его запястье.

Чёрный знак под кожей исчез.

— Что это было? — спросила она.

Каэл натянул перчатку.

— Ничего.

— Вы лжёте.

— Возможно.

Он произнёс это так спокойно, что Вера едва не рассмеялась.

— И что теперь?

— Теперь вы отправитесь со мной во дворец.

— А если я откажусь?

Каэл посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда я отнесу вас туда на руках.

— Вы всегда так разговариваете с женщинами?

— Только с теми, которые могут оказаться опаснее, чем кажутся.

— А вы считаете меня опасной?

Он приблизился на шаг.

Теперь между ними оставалось совсем немного места. Вера могла разглядеть тонкий шрам, пересекавший его левую бровь, и едва заметную тень усталости под глазами.

От него пахло холодным железом и чем-то ещё — запахом зимнего леса, в котором никогда не таял снег.

— Я пока не решил, кем вы являетесь, Вера Эстель.

Он впервые произнёс её имя вслух, и внутри неё снова что-то дрогнуло.

— Но я собираюсь выяснить это до того, как вы умрёте.

— Какое великодушие.

— Не обольщайтесь.

Каэл направился к двери.

— Собирайтесь. Мы уезжаем через десять минут.

— Куда?

Он остановился на пороге.

— Во дворец.

— Меня собираются судить?

— Нет.

— Тогда зачем я вам нужна?

Каэл обернулся.

Впервые за всё утро его взгляд показался Вере по-настоящему человеческим.

Не добрым. Не мягким.

Испуганным.

— Потому что сегодня ночью, — сказал он, — впервые за сто семьдесят лет я почувствовал собственное сердце.

Он вышел, оставив дверь открытой.

Вера осталась одна среди запаха крови, сырости и дешёвого мыла.

За окном окончательно рассвело. На крышах нижнего города лежал туман, а над дальними башнями дворца медленно поднималось чёрное солнце, вышитое на королевских знамёнах.

Вера посмотрела на тело Эдгара Молла.

Она должна была рассказать Каэлу о том, что видела в его последних воспоминаниях. О незнакомце. О королевских покоях. О девушке, которая выглядела точь-в-точь как она.

И о словах, которые произнесла эта девушка.

Ты опоздал.

Но Вера не сказала ничего.

Потому что вспомнила ещё одну деталь.

В самом конце видения, за мгновение до того, как оно исчезло, девушка посмотрела прямо на неё.

И беззвучно произнесла:

Не позволяй ему полюбить тебя.

Вера медленно сжала пальцы.

Теперь у неё было две причины бояться Каэла Вейра.

Он мог оказаться единственным человеком, способным спасти её от королевской казни.

И единственным человеком, от которого ей предстояло спастись.

Глава 2. Дорога в дом мёртвых

К тому времени, когда Вера спустилась на первый этаж, Каэл Вейр успел испортить ей утро окончательно.

Он стоял возле входной двери, беседуя с хозяином постоялого двора. Тот, маленький, лысеющий человек с отвислыми щеками, кивал так часто, словно надеялся однажды добиться этим бессмертия.

— Разумеется, господин Вейр. Конечно. Я всё понимаю. Никаких вопросов.

— Хорошо.

— И всё-таки, если позволите... Она ведь не успела ничего натворить в моём заведении?

Каэл медленно повернул голову.

Хозяин побледнел.

— Я имел в виду, конечно, не то, что она... Господин Вейр, вы же знаете, как у нас относятся к подобным вещам. Соседи, слухи, городская стража. Мне ведь ещё работать здесь.

— Если вы закончите задавать вопросы, вам удастся поработать ещё довольно долго.

Хозяин мгновенно замолчал.

Вера остановилась на последней ступеньке.

— Приятно видеть, что вы умеете находить общий язык с людьми.

Каэл окинул её взглядом.

Она переделалась в тёмное шерстяное платье, застегнула на груди старый плащ и собрала волосы в тугий узел. За поясом спрятала костяной нож. В небольшой кожаной сумке лежали смена белья, флакон с лекарством от головной боли, несколько монет и кусок вчерашнего хлеба.

Всё её имущество.

Вся её жизнь умещалась в сумке, которую можно было без труда унести одной рукой.

— Вы опоздали, — сказал Каэл.

— Я собиралась десять минут. Если вам требуется женщина, которая умеет собираться быстрее, советую обратиться к кому-нибудь другому.

— Я не собираюсь искать вам замену.

— Какая жалость.

Хозяин постоялого двора переводил взгляд с одного на другого, словно наблюдал за дракой двух бешеных собак и не мог решить, кому из них лучше подбросить кость.

Вера направилась к выходу.

— Кстати, — бросила она через плечо, — если меня казнят, не забудьте забрать мои вещи. Особенно лекарство. Оно дорогое.

— Вы не будете казнены, пока не ответите на мои вопросы, — произнёс Каэл.

— А потом?

— Потом всё будет зависеть от ваших ответов.

— Обнадёживает.

— Я не обязан вас обнадёживать.

— Зато вы прекрасно умеете портить настроение.

— Значит, у нас есть хоть что-то общее.

Вера остановилась и посмотрела на него.

На мгновение ей показалось, что он пошутил.

Это было настолько невероятно, что она решила не делать поспешных выводов.

Каэл распахнул дверь.

За ней лежал серый, промозглый город.

— После вас.

— Как любезно.

— Не привыкните.

Вера вышла под дождь.

И впервые за последние несколько лет пожалела, что не верит в молитвы.

Карета ждала на противоположной стороне улицы.

Она была чёрной, без гербов и украшений, с высокими колёсами и узкими окнами. Лошади стояли неподвижно, опустив головы. Их дыхание клубилось белым паром.

Возле кареты переминался с ноги на ногу кучер — широкоплечий старик с седой бородой и лицом, покрытым сетью глубоких морщин.

Увидев Каэла, он снял шапку.

— Доброе утро, господин.

— Нет, — ответил Каэл.

Старик моргнул.

— Простите?

— Утро недоброе.

Кучер посмотрел на небо, потом на Веру, потом снова на Каэла.

— Как скажете, господин.

Вера спрятала улыбку.

Каэл заметил это.

— Вас что-то развеселило?

— Я просто восхищаюсь вашей способностью заводить друзей.

— У меня достаточно знакомых.

— Не сомневаюсь. Наверняка они все мечтают провести с вами остаток вечности.

— Некоторые уже провели.

Он произнёс это без тени насмешки.

Вера перестала улыбаться.

Каэл открыл дверцу кареты и отступил в сторону.

Внутри оказалось просторнее, чем она ожидала. На сиденьях лежали тёмные кожаные подушки, между которыми стоял небольшой столик. На стене висел серебряный фонарь с матовым стеклом. Рядом находился ящик, запертый на три замка.

Вера забралась внутрь.

Каэл сел напротив.

Дверца захлопнулась, и карета тронулась.

Несколько минут они ехали молча.

За окном проплывали узкие улицы нижнего города. Дома здесь стояли так тесно, что соседние крыши почти соприкасались. На перекрёстках торговцы раскладывали товар, из пекарен тянуло свежим хлебом, а у входа в таверну двое пьяниц выясняли отношения с помощью кулаков.

Никто не обращал внимания на чёрную карету.

Или делал вид, что не обращает.

— Куда вы меня везёте? — спросила Вера.

— Я уже отвечал.

— Вы сказали, что мы едем во дворец. Я спрашиваю, зачем.

— Вы обвинены в убийстве наследного принца. Король пожелал лично разобраться в обстоятельствах дела.

— Как трогательно. А я-то думала, он прикажет отрубить мне голову, чтобы не тратить время на разговоры.

— Если бы он хотел вас казнить, вы бы уже стояли на эшафоте.

— Тогда почему не казнит?

— Потому что вы ему нужны.

Вера посмотрела на Каэла.

— Для чего?

— Это я и собираюсь выяснить.

— Вы хотите сказать, что даже королевский палач не знает, почему королю понадобилась какая-то девушка из нижнего города?

— Я не читаю мысли.

— А жаль. Сэкономили бы нам обоим массу времени.

Каэл снял перчатки и положил их рядом.

На его правой руке не осталось следа от крови, появившейся после их прикосновения.

Ни пореза, ни царапины.

Вера невольно уставилась на его пальцы.

— Что? — спросил он.

— Вы сказали, что впервые за сто семьдесят лет почувствовали собственное сердце.

— Именно.

— Но сердце — это не то, что человек обычно перестаёт чувствовать.

— Вы удивительно проницательны.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он откинулся на спинку сиденья.

— Сто семьдесят лет назад я заключил договор. С тех пор моё сердце не билось так, как должно биться сердце живого человека. Я не чувствовал голода, почти не ощущал боли и не старел. Взамен я получил возможность забирать на себя чужие смерти.

— Вы убиваете людей?

— Нет.

— Но вы палач.

— Я исполняю приговоры.

— Удобное различие.

— Различие между убийцей и судьёй тоже существует. Хотя иногда оно не так велико, как хотелось бы.

Вера внимательно посмотрела на него.

— Вы действительно верите в то, что делаете?

Каэл некоторое время молчал.

— Когда-то верил.

— А теперь?

— Теперь я слишком долго живу, чтобы позволять себе подобную роскошь.

Карета свернула на широкую улицу. Каменная мостовая сменилась гладкими плитами, а дома стали выше и наряднее. На перекрёстках стояли королевские стражники, а вдоль тротуаров тянулись железные ограды с острыми пиками.

Впереди показалась высокая арка.

За ней начинался Верхний город — место, куда жители нижних кварталов попадали редко и исключительно по неприятным причинам.

Вера отвернулась от окна.

— А что происходит с душами людей, чью смерть вы забираете?

Впервые за всю дорогу Каэл посмотрел на неё с явным интересом.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что вы сказали, что видите казнённых во сне.

— Я этого не говорил.

Вера замерла.

Она действительно не помнила, чтобы он произносил подобные слова. Но в ту ночь, ещё до появления стражи, она услышала чей-то голос. Тихий, почти неразличимый. Голос, который доносился из глубины его души.

Она была уверена, что не придумала его.

— Тогда, возможно, я перепутала вас с кем-то другим, — сказала она.

— Вряд ли.

— Почему?

Каэл подался вперёд.

— Потому что вы всё ещё не ответили на мой вопрос.

— На какой?

— Что именно вы увидели в воспоминаниях Эдгара Молла?

Вера сжала руки на коленях.

Она могла рассказать ему о королевском зале, о человеке с мечом, об убийстве. Могла даже описать девушку в сером платье.

Но что-то удерживало её.

Слова, произнесённые перед исчезновением видения.

Не позволяй ему полюбить тебя.

Она не знала, кто была эта девушка и почему выглядела точно так же, как она. Не знала, откуда та могла знать о Каэле Вейре. И уж точно не понимала, почему её собственный голос прозвучал в воспоминаниях совершенно незнакомого мужчины.

Но если палач узнает правду, он может решить, что она опасна.

А Вера не собиралась умирать из-за чужих секретов.

— Я увидела человека, который убил Эдгара, — ответила она. — Лица не разглядела.

Он был одет в чёрное и говорил спокойно. Очень спокойно.

— Вы слышали его голос?

— Да.

— Узнали бы его, если слышали снова?

— Возможно.

Каэл отвёл взгляд.

— Тогда, когда мы прибудем во дворец, вы повторите всё, что видели, королю и его советникам.

— А если я откажусь?

— Вас обвинят в сокрытии сведений об убийстве наследника престола.

— Вы умеете убеждать.

— Я не убеждаю. Я объясняю последствия.

— И что вы сделаете, если я солгу?

— Узнаю.

— Каким образом?

Каэл посмотрел на неё.

— Я умею отличать ложь от правды.

Вера хмыкнула.

— По выражению лица?

— По вашему сердцу.

Она невольно положила ладонь на грудь.

— Вы слышите, как оно бьётся?

— Иногда.

— И что оно говорит сейчас?

Каэл задержал на ней взгляд.

— Что вы боитесь.

Вера усмехнулась.

— Поразительная догадливость. Меня обвиняют в убийстве принца, везут к королю, а напротив сидит человек, который может казнить меня одним приказом. Удивительно, что я ещё не попросилась домой.

— Вы боитесь не меня.

— Неужели?

— Вы боитесь того, что увидели в воспоминаниях.

Вера почувствовала, как внутри всё напряглось.

Каэл не мог знать о девушке. Не мог знать о словах, которые она произнесла. Не мог знать, что видение оставило после себя ощущение, будто кто-то заглянул в её душу и нашёл там нечто чужое.

И всё же он смотрел на неё так, словно уже догадался.

— Вы ошибаетесь, — сказала Вера.

— Возможно.

Он снова надел перчатки.

— Но если вы продолжите лгать, вам будет труднее выжить.

Вера отвернулась к окну.

Впервые за долгое время ей захотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Дворец Эйрвенских королей построили на месте древнего кладбища.

По крайней мере, так утверждали городские легенды.

Согласно одной из них, первый король приказал возвести крепость на холме, где были похоронены тысячи погибших во время великой чумы. Он хотел, чтобы мёртвые охраняли его потомков. Согласно другой, никакого кладбища там никогда не существовало, а легенду придумали нищие, чтобы пугать богатых.

Вера не знала, какая версия правдива.

Но, увидев дворец, поняла, почему люди предпочитали не обсуждать его после захода солнца.

Высокие башни поднимались над городом, словно чёрные пальцы, тянущиеся к небу. Стены были сложены из тёмного камня, который не отражал солнечный свет. На узких окнах поблёскивали серебряные решётки, а вдоль крепостного рва стояли статуи людей с закрытыми глазами.

Некоторые из них плакали каменными слезами.

Карета остановилась перед главными воротами.

Стражники проверили документы Каэла, поклонились и пропустили их внутрь.

За стенами дворец оказался ещё мрачнее.

Во внутреннем дворе не было ни фонтанов, ни цветочных клумб, ни привычной дворцовой суеты. Только ровные ряды голых деревьев, каменные дорожки и чёрные факелы, которые горели даже при дневном свете.

Вера вышла из кареты и остановилась.

Над входом в главный корпус висел огромный колокол.

Его поверхность покрывали сотни имён, вырезанных тонкими буквами.

— Что это? — спросила она.

Каэл проследил за её взглядом.

— Колокол памяти.

— Что он делает?

— Звонит, когда умирает человек, чья смерть меняет судьбу королевства.

Вера перечитала несколько имён.

Некоторые были почти стёрты временем. Другие выглядели свежими.

Она заметила имя Адриана Эйрвенского.

Под ним было вырезано ещё одно.

КАЭЛ ВЕЙР.

Вера медленно повернулась к палачу.

— Почему ваше имя на колоколе?

— Потому что однажды я умру.

— Но вы бессмертны.

— Я не говорил, что бессмертен.

— Вы не стареете сто семьдесят лет.

— Это не одно и то же.

Он направился к лестнице.

Вера поспешила за ним.

— А когда вы умрёте, колокол зазвонит?

— Возможно.

— И что тогда случится?

Каэл остановился у массивных дверей.

— Тогда вы узнаете, зачем королю понадобилась девушка, которая умеет разговаривать с мёртвыми.

Он толкнул дверь.

За ней начинался длинный коридор, освещённый рядами свечей. На стенах висели портреты прежних королей. Их лица были суровыми, глаза — тёмными, а руки покоились на рукоятках мечей.

Вера заметила, что на каждом портрете губы были плотно сжаты.

Словно художники боялись, что мёртвые короли заговорят.

В конце коридора стоял мужчина в бордовом камзоле. Худощавый, с аккуратно подстриженной бородой и длинными пальцами, униженными перстнями.

При виде Каэла он улыбнулся.

— Наконец-то. Его величество ждёт уже несколько часов.

— Я прибыл, как только получил приказ, — ответил Каэл.

— Разумеется. А это, должно быть, наша знаменитая колдунья?

Мужчина посмотрел на Веру с нескрываемым любопытством.

— Канцлер Освальд, — представился он. — Советник его величества.

— Вера Эстель.

— Знаю, знаю. Девушка из нижнего города, необычный дар, весьма сомнительные знакомства. И, конечно же, убийство наследника престола.

— Вы так говорите, будто уже вынесли мне приговор.

— Милая моя, в этом дворце приговоры иногда выносят раньше, чем обвиняемые успевают открыть рот.

Вера посмотрела на Каэла.

— У вас здесь все такие приятные?

— Нет, — ответил он. — Некоторые ещё хуже.

Улыбка канцлера дрогнула.

— Ваша манера разговаривать с людьми по-прежнему оставляет желать лучшего, Каэл.

— А ваша манера говорить о людях так, словно их нет рядом, по-прежнему отвратительна.

На мгновение в глазах Освальда мелькнула ненависть.

Но он тут же склонил голову.

— Король готов принять вас.

Он распахнул двери.

Вера ожидала увидеть тронный зал.

Вместо этого перед ней оказалась небольшая комната с высокими окнами, тяжёлыми шторами и камином, в котором горел белый огонь. В центре стоял письменный стол, заваленный бумагами. За ним сидел мужчина лет пятидесяти с серебряными волосами и лицом, которое могло бы показаться благородным, если бы не глаза.

В его взгляде было что-то хищное.

Он не носил корону.

Но Вера сразу поняла, кто перед ней.

Король Эдмунд Эйрвенский.

— Оставьте нас, Освальд, — сказал он.

Канцлер поклонился и вышел.

Король перевёл взгляд на Каэла.

— Ты можешь остаться.

Затем посмотрел на Веру.

— А вы, должно быть, девушка, которая видит мёртвых.

— Я вижу их воспоминания, ваше величество.

— Тем лучше.

Он отложил перо.

— Скажите, Вера Эстель, что вы знаете о смерти моего сына?

Вера почувствовала, как пересохло во рту.

Она могла бы рассказать правду. О королевском зале. О человеке с мечом. О девушке, похожей на неё саму.

Но прежде чем она успела заговорить, король произнёс:

— Не торопитесь с ответом. Мне бы не хотелось, чтобы вы солгали.

Он улыбнулся.

— Последний человек, который солгал мне о смерти моего сына, лишился языка.

Каэл стоял неподвижно, сложив руки за спиной.

Вера посмотрела на него, надеясь увидеть хоть какой-нибудь знак. Предупреждение.

Совет. Что угодно.

Но палач смотрел на короля так, словно уже знал, чем закончится этот разговор.

Вера медленно вдохнула.

— Я видела убийцу, ваше величество.

Улыбка короля исчезла.

— Вы уверены?

— Да.

— И вы можете узнать его?

— Если услышу его голос.

Эдмунд Эйрвенский поднялся из-за стола.

— Каэл, ты слышал?

— Слышал, ваше величество.

— Значит, у нас появился шанс найти убийцу.

Король обошёл стол и остановился перед Верой.

— Но сначала я хочу узнать одну вещь.

Он поднял руку и осторожно коснулся её подбородка, заставляя поднять голову.

Вера почувствовала отвращение, но не отстранилась.

— Скажите мне, дитя, — прошептал король, — когда вы смотрите на мёртвых, видите ли вы их души?

— Иногда.

— И можете ли вы вернуть их к жизни?

Вера замерла.

— Нет.

Король пристально посмотрел на неё.

Затем улыбнулся так широко, что эта улыбка показалась Вере страшнее любой угрозы.

— Как жаль.

Он отпустил её подбородок и вернулся к столу.

— Тогда нам придётся воспользоваться другим способом.

— Каким? — спросила Вера.

Король посмотрел на Каэла.

— Завтра на рассвете вы проведёте обряд.

Палач не шелохнулся.

— Какой обряд, ваше величество?

— Тот, который ты поклялся никогда больше не проводить.

В комнате стало тихо.

Даже белый огонь в камине, казалось, перестал потрескивать.

Каэл медленно поднял голову.

— Это невозможно.

— Напротив. Теперь у нас есть всё необходимое.

— Вы не понимаете, что просите.

— Я прекрасно понимаю.

Король положил ладонь на раскрытую книгу, лежавшую на столе.

Вера увидела на её пожелтевших страницах рисунок: человеческое сердце, оплетённое чёрными корнями.

Под ним было выведено несколько слов на старинном языке.

Она не знала этого языка.

Но всё равно поняла смысл надписи.

«Пусть мёртвый вспомнит, каково это — быть живым».

Король закрыл книгу.

— Завтра мы узнаем, кто убил моего сына.

Он посмотрел на Веру.

— А если всё пойдёт так, как я надеюсь, вы сможете вернуть мне то, что я потерял много лет назад.

Вера хотела спросить, что именно он потерял.

Но в этот момент Каэл шагнул вперёд.

— Нет, — произнёс он.

Это было первое слово, сказанное им за всё время разговора, в котором не слышалось ни равнодушия, ни насмешки.

Только холодная, неподдельная ярость.

Король даже не взглянул на него.

— Завтра на рассвете, Каэл.

— Я не стану этого делать.

— Станешь.

— Я поклялся...

— Ты поклялся мне, — перебил король. — И пока ты носишь на себе мой дар, твои клятвы принадлежат мне.

Вера перевела взгляд с одного мужчины на другого.

Теперь она понимала, что её привезли во дворец не для расследования.

Она была нужна королю для чего-то гораздо более страшного.

И Каэл Вейр, последний палач королевства, впервые за всё утро выглядел человеком, который действительно боится.

Король снова посмотрел на Веру.

— Отведите её в западное крыло. Пусть подготовят комнату и проследят, чтобы она ни с кем не разговаривала.

Двое стражников появились у двери.

Вера не двинулась с места.

— А если я откажусь участвовать в вашем обряде?

Король улыбнулся.

— Тогда, дитя, Каэлу придётся казнить вас до рассвета.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

Она повернулась к палачу.

И увидела, что он смотрит не на неё.

На его запястье снова проступил чёрный знак.

Только теперь он поднимался выше, к локтю, словно под кожей медленно прорастали тонкие корни.

Каэл сжал руку в кулак.

И Вера услышала тихий голос.

Не голос короля. Не голос стражников.

Голос, доносившийся из глубины чужой души.

Убей её.

Каэл побледнел.

А голос повторил:

Убей её, пока она не вспомнила.

Глава 3. Западное крыло

— Убей её, пока она не вспомнила.

Голос прозвучал так отчётливо, что Вера невольно обернулась.

За её спиной никого не было.

Только король, двое стражников и высокая дверь, ведущая в коридор. Белый огонь в камине отбрасывал на стены длинные тени, а за окнами собирались тучи, хотя ещё несколько минут назад небо над дворцом было ясным.

Вера снова посмотрела на Каэла.

Он стоял неподвижно, сжав правую руку в кулак. По его лицу невозможно было понять, что происходит, но на шее под тонкой кожей пульсировала тёмная жилка. Чёрный знак на запястье поднимался всё выше, расползаясь по руке тонкими ветвями.

— Каэл? — произнёс король.

Палач не ответил.

— Каэл, я обращаюсь к тебе.

— Я слышу, ваше величество.

— Тогда объясни, что происходит.

— Ничего, что требовало бы объяснений.

Король медленно поднялся из-за стола.

— Ты забываешься.

— Нет. Я слишком хорошо помню.

Эти слова повисли в воздухе.

Вера посмотрела на короля и впервые заметила, что тот не столько рассержен, сколько напуган. Его пальцы сжали край стола. На лбу выступила испарина, хотя в комнате было прохладно.

Он боялся Каэла.

Или того, что находилось внутри него.

— Уведите девушку, — приказал Эдмунд.

Стражники шагнули вперёд.

— Подождите, — сказала Вера.

— Вам было приказано молчать, — отрезал король.

— А вам, кажется, было приказано объяснить, зачем вы собираетесь проводить какой-то обряд. Но мы оба понимаем, что сегодня не день исполнения желаний.

Один из стражников схватил её за локоть.

Вера резко вывернулась.

— Руки убрал.

— Довольно! — рявкнул король.

В этот миг Каэл поднял голову.

— Не трогайте её.

Стражник замер.

Вера тоже.

В голосе палача не было ни угрозы, ни повышения тона. Однако оба стражника отступили, словно между ними и Каэлом внезапно возникла пропасть.

Король побледнел.

— Ты забыл своё место.

— Моё место — рядом с теми, кого вы приказываете казнить. Не рядом с теми, кто выносит приговоры.

— Осторожнее, Каэл.

— Я осторожен уже сто семьдесят лет.

Палач разжал кулак.

Чёрные линии на его руке начали медленно исчезать, втягиваясь под кожу. Он смотрел на них с выражением человека, который наблюдает за приближением неизбежной катастрофы.

Вера не выдержала:

— Что это за голос?

Каэл резко повернулся к ней.

— Какой голос?

— Тот, который приказал вам меня убить.

На лице короля отразился неподдельный ужас.

Всего на мгновение.

Но Вера успела его заметить.

Каэл подошёл к ней так быстро, что она не успела отступить. Он схватил её за плечо и наклонился к самому уху.

— Вы ничего не слышали.

— Я прекрасно слышала.

— Тогда забудьте.

— Если бы я умела забывать всё неприятное, что со мной происходит, моя жизнь была бы значительно проще.

Его пальцы сжались сильнее.

— Вера, послушайте меня. В следующий раз, когда услышите этот голос, не отвечайте ему. Не задавайте вопросов. Не пытайтесь понять, чего он хочет.

— Почему?

Каэл посмотрел ей в глаза.

— Потому что он тоже вас слышит.

Он отпустил её.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что это значит?

— Значит, что вам следует отправиться в свою комнату.

— Вы не можете просто сказать такое и уйти!

— Могу.

— Тогда я буду кричать.

— В западном крыле толстые стены. Можете кричать сколько угодно.

— Вы невыносимы.

— Мне часто об этом говорят.

Каэл отвернулся к королю.

— Обряд не состоится.

Эдмунд медленно выпрямился.

— Ты не в том положении, чтобы решать.

— Возможно. Но вы всё ещё не знаете, что именно привезли в свой дворец.

Король побледнел ещё сильнее.

— Я знаю достаточно.

— Нет, ваше величество. Вы знаете лишь то, что вам позволили узнать.

Несколько секунд мужчины смотрели друг на друга.

Затем Эдмунд произнёс:

— До рассвета, Каэл. У тебя есть время до рассвета.

Палач ничего не ответил.

Он направился к двери, но, проходя мимо Веры, тихо сказал:

— Не доверяйте никому в этом дворце.

— Даже вам?

Каэл остановился.

— Особенно мне.

И вышел.

Вера осталась стоять перед королём, пытаясь понять, как за одно утро её жизнь успела превратиться в дурную сказку, в которой даже самый страшный персонаж предупреждал её об опасности.

— Уведите её, — устало приказал Эдмунд.

На этот раз Вера не сопротивлялась.

Но, прежде чем стражники вывели её из комнаты, она обернулась.

Король стоял у камина, глядя на огонь. Его губы беззвучно шевелились.

Вера не слышала слов.

Зато прочитала их по движению рта.

Пожалуйста. Только не снова.

Западное крыло находилось в старейшей части дворца.

Коридоры здесь были узкими, потолки — низкими, а стены сложены из такого тёмного камня, что даже при свете факелов казались почти чёрными. Окна встречались редко. На дверях висели тяжёлые замки, а в углах потолка темнели пятна, напоминавшие следы давнего пожара.

Вера шла между двумя стражниками.

Один был молодым, с пушком над верхней губой и слишком большими доспехами. Второй, пожилой и сутулый, хромал на левую ногу.

— Давно работаете во дворце? — спросила Вера.

Молодой стражник промолчал.

Старший покосился на неё.

— Достаточно.

— И часто к вам привозят обвинённых в убийстве принцев?

— Замолчи, девка.

— Понимаю. Тяжёлые времена. Служба, наверное, нервная.

Старший остановился и повернулся к ней.

— Послушай меня внимательно. Я не знаю, что ты за ведьма и какие игры затеяли король с палачом. Но если хочешь дожить до завтрашнего утра, перестань задавать вопросы.

Вера посмотрела на него.

— А если я не хочу?

Старик приблизился.

От него пахло табаком, мокрой шерстью и чем-то горьким.

— Тогда тебя здесь похоронят.

— В западном крыле?

Он не ответил.

Вера улыбнулась.

— Значит, я угадала.

Старик схватил её за плечо, но молодой стражник неожиданно вмешался:

— Оставь её, Хальд. Приказано доставить заключённую в комнату, а не избивать.

— Ты ещё слишком молод, чтобы учить меня службе.

— А ты слишком стар, чтобы забывать приказы.

Старик отпустил Веру.

Они продолжили путь в молчании.

В конце коридора находилась дверь из тёмного дуба. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины — только серебряная пластина с изображением закрытого глаза.

Молодой стражник достал ключ и приложил его к пластине.

Раздался тихий щелчок.

Дверь открылась.

— Заходите, — сказал он.

Вера переступила порог.

Комната оказалась неожиданно просторной. В ней стояли кровать с балдахином, письменный стол, два кресла и высокий шкаф с резными дверцами. У стены находился камин, в котором уже потрескивали дрова. На подоконнике стоял кувшин с водой и лежало несколько свежих яблок.

Всё было чистым, аккуратным и почти уютным.

Именно это насторожило Веру.

— Какая забота, — произнесла она. — А цепи где?

Старший стражник захлопнул дверь.

— Не шути с тем, чего не понимаешь.

Щёлкнул замок.

Вера подошла к двери и подёргала её.

Заперто.

Разумеется.

Она осмотрела комнату. На первый взгляд обычная спальня, но за тяжёлыми шторами обнаружилась узкая металлическая решётка, а на внутренней стороне двери были вырезаны мелкие символы.

Вера знала некоторые из них.

Защитные знаки.

Только предназначались они не для защиты человека от внешнего мира.

Они не позволяли чему-то, находившемуся внутри комнаты, выйти наружу.

Вера медленно отступила от двери.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Просто замечательно.

Она проверила шкаф, заглянула под кровать и ощупала стены. Ничего подозрительного не нашла, если не считать того, что на столе лежал чистый лист бумаги, а рядом стояло чернильное перо.

Вера подошла ближе.

На листе было написано её имя.

Не просто имя.

Полностью.

Вера Эстель.

Под ним стояла дата её рождения.

А ниже — дата, которой ещё не существовало.

Вера перечитала её трижды.

Через семь дней.

Она почувствовала, как похолодели пальцы.

— Что за...

В этот момент за стеной раздался стук.

Три коротких удара.

Вера замерла.

Стук повторился.

Она осторожно подошла к стене и приложила к ней ладонь.

Камень был ледяным.

— Кто там? — прошептала она.
Ответа не последовало.
Вера уже собиралась отойти, когда услышала женский голос.
Тихий, хриплый, словно доносившийся из глубины колодца.
— Вера...
Она отдернула руку.
Голос произнёс её имя снова.
— Вера Эстель...
На этот раз Вера узнала его.
Тот же голос звучал в воспоминаниях Эдгара Молла.
Голос девушки в сером платье.
— Кто ты? — спросила Вера.
За стеной послышался тихий смех.
— Ты уже знаешь.
— Нет, не знаю.
— Знаешь. Просто боишься вспомнить.
Вера отступила на шаг.
— Что ты хочешь?
На мгновение воцарилась тишина.
Затем голос произнёс:
— Не позволяй ему провести обряд.
Вера почувствовала, как сердце ударилось о рёбра.
— Какой обряд?
— Тот, что вернёт мёртвого короля.
Вера медленно посмотрела на дверь.
Эдмунд Эйрвенский был жив. Она видела его, разговаривала с ним и слышала его голос.
Но девушка за стеной говорила так, словно король уже умер.
Или словно настоящий король давно лежал в могиле, а человек, сидевший за столом, был кем-то другим.
— Кто ты? — повторила Вера.
Голос стал тише.
— Я та, кем ты станешь, если он полюбит тебя.
А потом за стеной раздался глухой удар.
Вера отшатнулась.
И в ту же секунду кто-то постучал в дверь.
Трижды.
На этот раз снаружи.
— Вера Эстель? — раздался мужской голос. — Откройте.
Она узнала его не сразу.
Голос был молодым, приятным, почти мягким.
Но когда мужчина произнёс её имя во второй раз, Вера почувствовала, как по коже пробежали мурашки.
Это был голос убийцы из воспоминаний Эдгара Молла.
Того самого человека, чьего лица она так и не смогла увидеть.
— Я знаю, что вы там, — продолжил незнакомец. — И знаю, что вы слышали.
Вера медленно достала из-за пояса костяной нож.
— Кто вы?
За дверью тихо рассмеялись.
— Человек, который собирается помочь вам.

— Мне не нужна помощь.
— Все так говорят перед тем, как умереть.
Вера крепче сжала нож.
— Если вы пришли меня убить, почему просто не войдёте?
— Потому что дверь заперта.
— Тогда мы оба можем считать этот разговор законченным.
Мужчина вздохнул.
— Вы удивительно похожи на неё.
Вера перестала дышать.
— На кого?
— На девушку, которую Каэл Вейр убил сто семьдесят лет назад.
Она услышала, как незнакомец приблизился к двери.
— Спросите его об этом, Вера. Спросите, почему он до сих пор не может умереть. Спросите, почему король боится собственного палача. И главное...
Голос понизился до шёпота.
— Спросите, чьё сердце он носит в своей груди.
Вера посмотрела на стену.
За ней было тихо.
Никакого дыхания, никакого шороха.
Только холодный камень.
— Что вы знаете об обряде? — спросила она.
Мужчина не ответил.
Вместо этого послышались шаги.
Он уходил.
Вера бросилась к двери и ударила по ней ладонью.
— Подождите! Вы не можете просто...
— Могу, — отозвался незнакомец из коридора. — Поверьте, я умею оставлять людей с вопросами.
Шаги затихли.
Вера осталась одна.
Она долго стояла посреди комнаты, сжимая костяной нож, и пыталась собрать воедино всё, что узнала за последние часы.
Король хотел провести обряд.
Каэл отказался.
Кто-то из мёртвых предупреждал её, что обряд вернёт умершего короля.
А убийца Эдгара Молла утверждал, что сто семьдесят лет назад Каэл убил девушку, похожую на Веру.
Всё это могло быть ложью.
Но слишком многое совпадало.
Вера подошла к столу и ещё раз посмотрела на лист бумаги.
Её имя.
Дата рождения.
И дата, которая наступит через семь дней.
Она перевернула лист.
На обороте стояла короткая фраза.
«Если палач полюбит тебя, ты умрёшь вместо него».
Вера почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.
Затем скомкала бумагу и бросила её в огонь.
Лист вспыхнул мгновенно.

Пламя на секунду стало чёрным.

А потом из камина донёсся голос Каэла.

— Вера.

Она резко обернулась.

В комнате никого не было.

Но голос прозвучал снова — на этот раз прямо за её спиной.

— Что бы вы ни услышали сегодня ночью, не открывайте дверь.

Вера медленно повернулась к стене.

— Вы следите за мной?

— Я пытаюсь вас защитить.

— От кого?

За стеной послышался тяжёлый вздох.

— От того, кем я становлюсь.

И в этот момент Вера услышала, как в глубине дворца ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Она подошла к окну.

Над чёрными башнями дворца не было ни единого облака, но небо потемнело так, словно наступила ночь. На внутреннем дворе стражники бросали оружие и падали на колени. Слуги выбегали из дверей, закрывая уши.

Колокол продолжал звонить.

Вера не знала, что он возвещает.

Но внезапно поняла, что все имена, вырезанные на его поверхности, появились там не просто так.

Каждое принадлежало человеку, чья смерть однажды изменила судьбу королевства.

И среди них было имя Каэла Вейра.

Последний палач был жив.

Но колокол уже оплакивал его смерть.

Когда последний удар затих, Вера услышала, как за стеной кто-то заплакал.

Тихо, безутешно, словно плачущий ждал этого момента сто семьдесят лет.

А потом голос девушки произнёс:

— Он уже выбрал тебя.

Вера прижала ладонь к холодному стеклу.

— Кто?

Ответ пришёл не сразу.

— Тот, кто убил меня.

Вера закрыла глаза.

И впервые за весь день ей стало по-настоящему страшно.

Потому что голос за стеной был её собственным.

Глава 4. Сердце под замком

Первое, что Вера поняла после третьего удара колокола, — дворец больше не принадлежал живым.

Второе — никто, кроме неё, этого не замечал.

За стеной стихли шаги. Где-то внизу раздался испуганный крик, тут же оборвавшийся на полуслове. По коридору прокатился шелест платьев и тяжёлых плащей: придворные спешили к окнам, стражники перекликались, а слуги, забыв о приличиях, выбегали из своих комнат.

Но никто не произносил вслух того, что Вера видела собственными глазами.

На двери её комнаты, поверх защитных знаков, проступила тонкая чёрная трещина.

Она росла медленно, словно невидимая рука выводила на дереве письма.

Вера отступила на шаг.

— Ну конечно, — пробормотала она. — Было бы странно, если бы ночь закончилась без попытки меня убить.

Трещина изогнулась.

На мгновение Вере показалось, что она складывается в буквы. Но прежде, чем та успела разобрать их, раздался стук.

Три коротких удара.

— Не открывайте, — произнёс за дверью знакомый мужской голос.

Каэл.

Вера едва не рассмеялась.

— Вы удивительно вовремя вспомнили о собственном совете.

— Вера.

Впервые за всё время их знакомства он произнёс её имя без насмешки, без холодного раздражения и без той отстранённой учтивости, которой прикрывалась его жестокость.

Просто Вера.

И почему-то от этого стало страшнее.

— Отойдите от двери, — велел он.

— А вы собираетесь объяснить, почему колокол оплакивает человека, который стоит за моей дверью и раздаёт распоряжения?

— Нет.

— Какое разочарование. Я уже приготовилась услышать что-нибудь убедительное.

— Отойдите.

Вера посмотрела на чёрную трещину.

— С удовольствием. Но сначала скажите: это вы?

За дверью повисла тишина.

— Что именно?

— То, что пытается прорваться в мою комнату.

— Нет.

— Тогда почему оно появилось сразу после того, как вы ушли?

— Потому что я ушёл.

Ответ прозвучал настолько мрачно, что Вера перестала улыбаться.

Она сделала два шага назад.

Трещина на двери перестала расти.

— Что это значит? — спросила она.

— Пока я нахожусь рядом, оно держится на расстоянии.

— А когда вы уходите?

— Оно вспоминает, что вы существуете.

Вера медленно выдохнула.

— Знаете, для человека, который хочет меня защитить, вы крайне неудачно выбираете объяснения.

— Я не обещал, что вам понравится правда.

— А вы уверены, что говорите именно правду?

— Нет.

Это признание застало её врасплох.

Вера ожидала привычной холодной отповеди, очередной загадки или приказа замолчать.

Но Каэл ответил так просто, словно действительно не знал, чему верить.

Она подошла к двери ещё на шаг.

— Тогда чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы дожили до рассвета.

— А после?

— После мы выясним, почему смерть вашего наследного принца оказалась связана с моей.

— Вы ведь не умерли.

— Вы тоже так считаете?

Он произнёс это тихо.

Слишком тихо.

Вера посмотрела на дверь, за которой стоял человек, чьё имя появилось на колоколе памяти рядом с именем погибшего принца. Человек, который сто семьдесят лет забирал чужие смерти, но, кажется, так и не научился понимать собственную.

— Каэл, — сказала она. — Что случилось с вами после третьего удара?

— Ничего.

— Вы лжёте.

— Да.

Она моргнула.

— Вы могли бы хотя бы притвориться, что спорите.

— Мог бы.

— Невыносимый человек.

— Мне говорили.

— И вы не исправились?

— Было некогда.

Вера невольно улыбнулась. Всего на мгновение, почти против воли. За дверью послышался тихий звук, похожий на выдох, и ей показалось, что Каэл тоже едва заметно усмехнулся.

Но затем он произнёс:

— Не открывайте дверь, что бы ни случилось. Даже если услышите мой голос.

Улыбка исчезла с её лица.

— А если это действительно будете вы?

— Особенно если это буду я.

В коридоре что-то скользнуло по полу.

Не шаги. Не шорох ткани.

Звук напоминал, как по камню тянут длинную цепь.

Каэл выругался.

Вера никогда прежде не слышала, чтобы он ругался. По какой-то причине это показалось ей более тревожным, чем все предыдущие угрозы.

— Уходите от двери, — сказал он.

— Что там?

— Вера, сейчас же!

Она отступила.

И услышала собственный голос.

— Каэл, открой. Пожалуйста.

Голос звучал из коридора, совсем рядом. В нём не было ничего необычного: та же хрипотца после долгого дня, та же мягкая интонация, которой Вера пользовалась, когда хотела добиться своего.

Только говорила она не из комнаты.

— Я замёрзла, — продолжил её голос. — Ты обещал, что больше не оставишь меня одну. Вера перестала дышать.

За дверью не ответили.

— Каэл?

Тихий смешок.

— Ты ведь помнишь, что сделал со мной?

Вера прижала ладонь ко рту.

Это была не она. Не совсем она.

Голос звучал знакомо, но в нём сквозило что-то чужое — бездонная усталость, пережившая столько лет, что превратилась в ненависть.

— Ты ведь помнишь, как я просила тебя остановиться?

— Молчи, — произнёс Каэл.

На этот раз его голос прозвучал не за дверью.

Он раздался прямо у Веры в голове.

А затем чужой голос ответил:

— Заставь меня.

Дверь содрогнулась.

Защитные знаки вспыхнули тусклым серебром, и чёрная трещина на мгновение исчезла. Но дерево выгнулось внутрь, словно с другой стороны на него навалилось нечто огромное.

Вера отшатнулась.

— Каэл!

— Не отвечайте ему!

— Я вообще-то вам кричу!

— Не мне!

Вера замолчала.

За дверью послышался звук, от которого у неё свело зубы: сухой, хрустящий, будто кто-то медленно ломал собственные пальцы.

Потом заговорила девушка.

— Ты обещал мне сердце, Каэл.

На этот раз голос звучал почти ласково.

— Ты сказал, что отдашь его, если я попрошу.

Вера услышала, как мужчина за дверью тяжело выдохнул.

— Я отдал, — произнёс он.

— Нет. Ты отдал только то, что осталось после тебя.

Раздался удар.

Дверь выгнулась ещё сильнее.

Вера бросилась к столу, схватила лежавший там лист со своим именем и датой рождения. Бумага была холодной, как снег. Она перевернула её, надеясь найти хоть какую-нибудь подсказку, но на обороте проступили новые слова.

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ ВСПОМНИТЬ ТЕБЯ.

Чернила медленно расползались по бумаге, словно их писали изнутри.

Вера уставилась на надпись.

— Да что же вы все от меня хотите? — прошептала она.

— Чтобы ты вспомнила, — ответила девушка за дверью.

Вера резко обернулась.

— Я с тобой не разговариваю.

— Уже разговариваешь.

— Кто ты?

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю.

— Знаешь. Просто тебе ещё не позволили это вспомнить.

Вера сжала лист так, что бумага хрустнула в пальцах.

— Если ты действительно я, то должна понимать, как сильно меня раздражают люди, которые отвечают загадками.

— А если я не ты?

— Тогда у тебя ещё меньше оснований рассчитывать на моё терпение.

На несколько секунд всё стихло.

Затем девушка засмеялась.

В этом смехе не было веселья. Только горечь.

— Вот теперь я тебя узнаю.

Дверь резко затряслась.

— Вера! — крикнул Каэл.

Она отступила ещё на шаг.

— Что?

— Посмотрите на стену слева от себя.

Вера повернула голову.

На каменной кладке, возле высокого шкафа, проступил узкий дверной проём. Ещё секунду назад там была сплошная стена. Теперь по её поверхности бежали тонкие серебристые линии, складываясь в изображение раскрытого глаза.

— Это ещё что?

— Старый проход.

— Куда?

— В безопасное место.

— В вашем дворце вообще есть безопасные места?

— Одно или два.

— Как щедро.

— Вера!

— Иду, иду!

Она схватила со стола свечу и поспешила к проёму. Камень под её пальцами оказался неожиданно тёплым. Стоило ей коснуться глаза, как стена разошлась бесшумно, открывая узкую лестницу, уходившую вниз.

Из темноты пахнуло сыростью, пеплом и чем-то сладковатым, напоминавшим цветы, оставленные слишком долго на могиле.

Вера оглянулась на дверь.

Чёрная трещина снова появилась на дереве.

На этот раз она складывалась в слова.

ОН УЖЕ ВСПОМНИЛ.

— Каэл, — прошептала Вера.

— В проход. Сейчас!

Она шагнула на первую ступень.

Позади раздался треск.

Дверь комнаты распахнулась.

Вера не увидела, что вошло внутрь. Она успела заметить лишь длинную тень, которая падала в сторону, противоположную свету, и бледную руку с почерневшими ногтями.

Затем Каэл произнёс какое-то слово на языке, от которого у неё заболели уши.

Коридор наполнился запахом горелого железа.

— Беги! — крикнул он.

Вера побежала.

Лестница уходила глубже под дворец, чем позволяли его размеры.

Вера знала это совершенно точно: она успела изучить достаточно старых зданий, чтобы понимать, где заканчиваются фундаменты и начинаются подвалы. Но ступени всё продолжались, а стены становились всё более древними. Камень сменился чёрным кирпичом, затем — гладкими плитами, на которых были вырезаны человеческие лица.

Некоторые плакали.

Другие кричали.

Третьи смотрели на Веру с таким выражением, словно она опоздала на собственные похороны.

— Прекрасно, — пробормотала она, спускаясь ниже. — Тайная лестница, ожившие стены и человек, которого оплакивает колокол. Я всегда мечтала о дворце с характером.

Свеча дрогнула.

Внизу показалась дверь.

Она была сделана из тёмного металла, покрытого мелкими вмятинами. На её поверхности не было ни ручки, ни замка. Только изображение сердца, оплетённого корнями.

Того самого сердца, которое Вера видела в книге на столе короля.

Она остановилась.

— Нет, — сказала она двери. — Даже не надейся.

— Разумное решение.

Каэл стоял на несколько ступеней выше.

Вера вздрогнула так сильно, что едва не выронила свечу.

— Вы всегда подкрадываетесь к людям, которые убегают от чудовищ?

— Только к тем, кто разговаривает с дверями.

— Она первая начала.

Он спустился на ступень ниже. На его чёрной рубашке темнело пятно крови. Не слишком большое, но вполне настоящее.

Вера посмотрела на него, затем на его лицо.

— Вы ранены.

— Нет.

— У вас кровь.

— Наблюдательность — опасный дар.

— А упрямство — опасный способ умереть. Хотя, судя по вашим обстоятельствам, вы решили обойтись без него.

Каэл не ответил.

Он выглядел иначе.

Прежде его лицо напоминало маску, созданную для того, чтобы пережить бесконечное количество казней, не выдавая ни одной мысли. Теперь в этой маске появилась трещина. Не физическая — едва уловимая перемена в выражении глаз, напряжение в уголках губ, словно ему приходилось удерживать внутри нечто, что давно перестало подчиняться приказам.

Вера вдруг поняла, что он боится.

Не за себя.

За неё.

Это открытие оказалось настолько неожиданным, что она поспешила отвернуться.

— Что было за дверью? — спросила она.

— То, что не должно было найти вас.

— А нашло.

— Да.

— Потому что вы привели меня во дворец?

— Потому что вы родились.

Вера медленно повернулась к нему.

— Я бы попросила вас объясниться, но боюсь, что вы опять скажете что-нибудь отвратительно загадочное.

— Вы начинаете меня понимать.

— Это меня и беспокоит.

Каэл подошёл к металлической двери. На мгновение задержал ладонь возле изображения сердца, но не коснулся его.

— Вы должны были оставаться в нижнем городе.

— Как мило. А я-то думала, что меня арестовали за убийство наследного принца.

— Вас действительно арестовали за убийство наследного принца.

— И?

— И теперь я не уверен, что это обвинение было ошибкой.

Вера застыла.

— Вы считаете, что я убила Адриана?

— Я считаю, что кто-то очень хотел, чтобы вы оказались здесь. И этот кто-то знал, что я не позволю вам умереть.

— Вы меня едва знаете.

— Этого достаточно.

— Для чего?

Каэл посмотрел на неё.

— Чтобы понять, что вы не виновны в том преступлении, в котором вас обвиняют.

Вера почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Она не доверяла ему. Не могла доверять человеку, который сто семьдесят лет исполнял королевские приговоры и называл это необходимостью. Но впервые за весь вечер кто-то произнёс слова, которых она ждала с момента ареста.

Не «докажи».

Не «признайся».

Не «помолись».

Просто: ты не виновна.

— Тогда почему вы сомневаетесь? — спросила она тише.

Каэл отвернулся к двери.

— Потому что я видел, как умирает человек, которого вы ещё не убили.

Вера молчала.

— Вы говорите об Адриане?

— Я говорю о том, что смерть не всегда приходит после жизни.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которым нужна помощь?

— Нет.

— А как?

— Обычно они уже мертвы.

Вера посмотрела на него с искренним возмущением.

— Вы отвратительны.

— Мне тоже не нравится этот разговор.

— Тогда начните другой. Например, объясните, почему на колоколе появилось ваше имя.

Каэл долго молчал.

Затем снял перчатку.

На его ладони темнела рана. Кровь стекала по запястью тонкой дорожкой, но не капала на камень. Она словно удерживалась на коже невидимой силой.

Вера увидела чёрную отметину.

Она исчезла почти полностью, оставив после себя тонкий ободок, похожий на ожог.

— Когда вы коснулись меня в нижнем городе, — сказала она, — ваш знак исчез.

— Да.

— А теперь вернулся?

— Нет.

— Тогда что это?

Каэл сжал пальцы.

— Напоминание.

— О чём?

— О том, что я должен был умереть сто семьдесят лет назад.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И почему не умерли?

Он посмотрел на металлическую дверь.

— Потому что попросил нечто, чему не следовало отвечать.

— Вы заключили договор с существом из мира мёртвых.

— Вы слушали под дверью?

— Я была в комнате. А вы говорили достаточно громко, чтобы слышали даже мёртвые.

— Возможно, они и услышали.

Он произнёс это без улыбки.

Вера приблизилась к нему, рассматривая рану. Кровь была тёмной, почти чёрной, но в глубине её мерцали крошечные серебряные искры.

— Можно посмотреть?

— Нет.

— Я не собираюсь откусывать вам руку.

— Это утешает.

— Тогда дайте её.

Каэл посмотрел на неё с выражением человека, которому впервые в жизни предложили добровольно прыгнуть в пропасть.

— Вы не знаете, что делаете.

— А вы знаете?

Он не ответил.

Вера протянула руку и коснулась его запястья.

Мир исчез.

Она стояла посреди заснеженного двора.

Небо было чёрным, без единой звезды. Снег лежал на каменных плитах, но не таял там, где на него падала кровь.

Вера посмотрела на свои руки.

Они были не её.

Тонкие пальцы, длинные ногти, серебряное кольцо на безымянном. На запястье — красная нить, завязанная тремя узлами.

Впереди стоял Каэл.

Молодой.

Не таким, каким она знала его сейчас: без вечной усталости в глазах, без неподвижности человека, который давно забыл, каково это — ждать завтрашнего дня. Он выглядел почти живым. На его лице была кровь, а в руках он держал меч.

У его ног лежала девушка в сером платье.

Вера узнала её сразу.

Собственное лицо.

Те же глаза, тот же изгиб губ, та же маленькая родинка под левым глазом. Только девушка казалась старше — не годами, а тем, что успела пережить слишком многое.

Она смотрела на Каэла и улыбалась.

— Ты обещал, — сказала девушка.

Молодой Каэл опустил перед ней на колени.

— Я знаю.

— Ты обещал, что не позволишь мне умереть.

— Я пытался.

— Нет, — тихо сказала она. — Ты пытался не остаться один.

Каэл закрыл глаза.

Вера почувствовала его боль так, словно та была её собственной. Не физическую — что-то куда более глубокое, почти невыносимое. Боль человека, который понял, что совершил непоправимое, но всё ещё надеялся найти способ назвать это любовью.

Девушка подняла руку и коснулась его щеки.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел.

— Ты всё ещё можешь остановиться, — сказала она.

— Уже нет.

— Тогда запомни моё лицо.

Каэл прижал её ладонь к своей щеке.

— Я никогда тебя не забуду.

Девушка улыбнулась печально.

— Вот этого я и боюсь.

Она повернула голову.

И посмотрела прямо на Веру.

— Не позволяй ему полюбить тебя.

Вера попыталась отступить, но её ноги не двигались.

— Почему? — спросила она.

Девушка не ответила. Её взгляд скользнул к рукам Веры, к серебряному кольцу, к красной нити на запястье.

— Ты уже сделала первый шаг, — прошептала она.

Затем девушка умерла.

Не закрыла глаза, не выдохнула в последний раз. Просто в одно мгновение исчезла из мира, оставив после себя тело, которое продолжало улыбаться.

Каэл вскочил на ноги.

— Нет.

Снег вокруг него почернел.

— Нет! — повторил он, и в его голосе было столько отчаяния, что Вера почувствовала, как задрожали стены самого воспоминания.

Он поднял меч и рассёк собственную ладонь.

Кровь упала на снег.

Затем он произнёс слова на незнакомом языке.

И земля ответила.

Из-под каменных плит потянулись чёрные корни. Они обвили его ноги, поднялись к груди и впились в кожу. Каэл не сопротивлялся.

— Возьми мою жизнь, — сказал он. — Возьми всё, что у меня осталось. Только верни её.

Из темноты донёсся голос.

Тот самый, который Вера слышала в глубине его души.

— Ты предлагаешь мне то, чего у тебя больше нет.

— Тогда возьми мою смерть.

— Её тоже нет.

— Возьми моё сердце!

Вера увидела, как Каэл ударил себя в грудь.

Не мечом — голой рукой.

Кожа разошлась, и из раны хлынула кровь. Он не закричал. Только смотрел на девушку у своих ног, будто всё ещё надеялся, что она поднимется и назовёт его безумцем.

Из темноты ответили:

— Сердце — не то, что ты можешь отдать. Оно — то, что ты должен научиться терять.

Чёрные корни сомкнулись вокруг его груди.

А затем Вера увидела нечто, чего не могла понять.

В груди Каэла не было сердца.

Там находилось пустое пространство, заполненное тонким серебряным светом. И в этом свете плавало крошечное человеческое сердце, опутанное корнями.

Оно билось.

Один раз.

Второй.

Третий.

С каждым ударом лицо Каэла становилось старше, а его глаза — всё более пустыми.

Потом он поднял голову.

И посмотрел прямо на Веру.

— Ты опоздала, — сказал он.

Вера отдернула руку.

Она упала на колени.

Свеча покатилась по полу, но не погасла. Каэл успел подхватить её за плечи прежде, чем она ударилась головой о камень.

— Что вы увидели? — спросил он.

Вера не могла ответить.

Её трясло. Перед глазами всё ещё стоял заснеженный двор, а в ушах звучали удары сердца — чужого, маленького, запертого в груди человека, который не должен был быть жив.

Каэл осторожно убрал её волосы с лица.

— Вера. Посмотрите на меня.

Она подняла глаза.

Впервые за всё время она увидела его не как палача, не как чудовище и даже не как человека, которого боялись в королевстве.

Она увидела того, кто однажды попросил смерть вернуть ему любимую.

И получил нечто гораздо худшее.

— Вы убили её, — прошептала Вера.

Каэл замер.

— Кого?

— Девушку в сером платье.

Его пальцы на её плечах напряглись.

— Что вы сказали?

— Я видела её. Вы стояли на снегу. Она лежала у ваших ног. Вы просили вернуть её.

Лицо Каэла побледнело.

— Вы не могли этого видеть.

— Но видела.

— Что ещё?

Вера сглотнула.

— Вы сказали, что никогда её не забудете. А она ответила, что именно этого и боится.

Каэл отпустил её.

Медленно, словно боялся, что прикосновение причинит ей боль.

— Вы должны забыть это воспоминание.

— Как?

— Не знаю.

— Прекрасно. Ещё одна загадка, которую мы не можем решить.

Он отвернулся, уперевшись ладонью в стену.

На мгновение Вера заметила, как дрогнули его пальцы.

— Вы любили её? — спросила она.

Каэл не ответил.

— Каэл.

— Не задавайте вопросов, на которые не хотите знать ответы.

— А если хочу?

— Тогда вам придётся жить с тем, что услышите.

Вера поднялась на ноги, опираясь на стену.

— Я видела, как вы вырвали себе сердце.

— Вы видели воспоминание.

— Это не одно и то же?

— Нет.

— А что тогда произошло?

Каэл медленно повернулся к ней.

— Я пытался вернуть мёртвую.

— И?

— И научился тому, что смерть не возвращает долги.

Он посмотрел на собственную ладонь.

— Она только записывает их.

Вера опустила взгляд на свою руку. На подушечках пальцев осталась тонкая серебряная пыль, которой не было прежде.

— Почему я это увидела?

— Потому что вы прикоснулись к моей крови.

— Я касалась крови умерших сотни раз. Никогда не видела чужих воспоминаний, пока не прикасалась к телу.

— Вы не прикасались к чужой крови.

— А к чьей?

Каэл посмотрел ей прямо в глаза.

— К моей.

Молчание между ними стало тяжёлым.

За металлической дверью послышался тихий скрежет.

Каэл резко обернулся.

— Нам нужно уходить.

— Куда?

— Туда, где вас не найдут.

— Вы уже говорили это про мою комнату.

— И, как видите, ошибся.

— В следующий раз постарайтесь ошибиться в чём-нибудь менее смертельном.

Он протянул ей руку.

Вера посмотрела на его ладонь.

На кровь.

На серебряные искры.

На чёрную отметину, которая больше не была похожа на ожог. Теперь она напоминала крошечную дверь, запертую изнутри.

— Если я снова прикоснусь к вам, — сказала она, — я опять увижу воспоминания?

— Возможно.

— А если не прикоснусь?

— Возможно, вы останетесь живы.

— Вы умеете успокаивать женщин.

— Я не пытаюсь вас успокоить.

— Это заметно.

Вера вложила свою ладонь в его.

Каэл вздрогнул.

Совсем чуть-чуть, почти незаметно.

Но она почувствовала.

Под его кожей что-то ударило.

Один раз.

Тихо, слабо, будто сердце, которое сто семьдесят лет считалось мёртвым, пыталось вспомнить, каково это — быть живым.

Каэл разжал пальцы.

Вера тоже отступила.

Они смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

— Это было сердце? — наконец спросила она.

— Да.

— Ваше?

— Я не знаю.

Вера невольно рассмеялась — коротко и нервно.

— Вы понимаете, насколько это ненормально?

— Я прожил сто семьдесят лет, Вера. Нормальное давно перестало меня интересовать.

— А меня, между прочим, интересует. Особенно когда оно пытается вырваться из груди человека, который стоит в полуметре от меня.

— Оно не пыталось вырваться.

— Тогда что оно делало?

Каэл помолчал.

— Узнавало вас.

Вера перестала смеяться.

— Моё сердце?

— Моё.

Он произнёс это так тихо, что она едва расслышала.

— Оно не должно было биться, — добавил Каэл. — Ни рядом с вами, ни рядом с кем-либо ещё.

— Но бьётся.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Вера не могла назвать.

Страх.

Надежда.

Или воспоминание о том и другом.

— Вот это, — сказал он, — я и собираюсь выяснить.

Они вышли из тайного прохода в небольшую круглую комнату, освещённую десятками свечей.

Вера сразу поняла, что находится под дворцом. Потолок здесь был низким, стены покрывали старые надписи, а вдоль каменного пола тянулись неглубокие канавки, заполненные засохшей кровью.

В центре комнаты стоял стол.

На нём лежала раскрытая книга.

Рядом — серебряный нож и чаша из чёрного стекла.

Вера узнала рисунок на обложке: сердце, оплетённое корнями.

— Это та самая книга, — прошептала она.

Каэл закрыл за ними дверь.

— Не прикасайтесь к ней.

— Почему?

— Потому что она знает ваше имя.

Вера посмотрела на стол.

На раскрытой странице были выведены два имени.

КАЭЛ ВЕЙР.

И ниже:

ВЕРА ЭСТЕЛЬ.

Между ними тянулась тонкая красная линия.

Под именами стояла дата.

Та самая, которую Вера видела на листе в своей комнате.

Через семь дней.

Она подошла ближе, не касаясь страницы.

— Что должно произойти через семь дней?

Каэл прочитал надпись под датой.

Его лицо стало каменным.

— Обряд.

— Тот, который хочет провести король?

— Да.

— Вы сказали, что он вернёт мёртвого короля.

— Я сказал, что он хочет вернуть мёртвого короля.

— И вы собираетесь меня поправлять, пока мы оба не умрём?

— Я пытаюсь объяснить, что король не знает, кого именно собирается вернуть.

Вера посмотрела на книгу.

Чернила на странице медленно меняли цвет. Красная линия между именами становилась всё темнее, пока не превратилась в тонкую чёрную нить.

— А вы знаете?

Каэл долго молчал.

— У меня есть подозрение.

— И?

— Я надеюсь, что ошибаюсь.

Вера наклонилась, чтобы прочесть мелкую надпись внизу страницы.

Она была написана на старом языке, но почему-то Вера понимала каждое слово.

**КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ПАЛАЧ ВСПОМНИТ ЛЮБОВЬ, МЁРТВЫЙ КОРОЛЬ
ВЕРНЁТСЯ В МИР ЖИВЫХ.**

Она отпрянула.

— Каэл...

Он уже смотрел на неё.

— Вы тоже прочитали?

Вера кивнула.

— Почему я могу понимать этот язык?

— Потому что он написан кровью.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— У вас вообще есть хоть один ответ, который не звучит как угроза?

— Иногда.

— Когда?

— Когда я молчу.

Вера покачала головой.

— Знаете, я начинаю понимать, почему вас назначили палачом. С вашим характером люди сами просятся на казнь.

На этот раз Каэл действительно улыбнулся.

Едва заметно, почти болезненно.

И Вера вдруг поняла, что улыбка делает его опаснее, чем любая угроза. Потому что за ней скрывался человек, которого он сам старательно хоронил в себе уже сто семьдесят лет.

Она поспешно отвернулась к книге.

— Что будет, если обряд состоится?

— Король получит то, чего желает.

— А вы?

— Я потеряю то, что у меня осталось.

— Вашу душу?

Каэл посмотрел на неё.

— Возможно.

— А что останется у меня?

Он не ответил.

Вера закрыла книгу.

Свечи одновременно погасли.

В темноте раздался звон — один-единственный удар колокола, настолько тихий, что его можно было принять за стук собственного сердца.

Затем на обложке книги проступили новые слова.

Их увидела только Вера.

НЕ ОТДАВАЙ ЕМУ СВОЮ ДУШУ.

Она замерла.

Под надписью медленно появилась вторая строка.

ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ПОПРОСИТ.

Вера не успела позвать Каэла.

Из темноты за её спиной донёлся женский шёпот:

— Особенно если он попросит.

Она обернулась.

На другом конце комнаты стояла девушка в сером платье.

Та самая.

Лицо Веры. Её глаза. Её улыбка.

Только теперь девушка была жива.

И на её груди, прямо над сердцем, темнела кровавая рана.

— Ты наконец пришла, — сказала она.

Вера не могла пошевелиться.

— Кто ты?

Девушка печально посмотрела на Каэла, который всё ещё стоял у двери, не замечая незваной гостьи.

— Та, которую он убил.

Затем она перевела взгляд на Веру.

— И та, которую он убьёт снова.

Свечи вспыхнули.

Комната опустела.

А в глубине дворца, за стенами, за камнем и землёй, что-то огромное и древнее открыло глаза.

Через семь дней оно должно было вернуться.

И впервые за сто семьдесят лет последний палач почувствовал, как его сердце бьётся от страха.

Не за себя.

За девушку, чьё имя уже было вписано в книгу мёртвых.

Глава 5. Цена одного удара

Вера не верила в призраков.

Она верила в мёртвых, потому что слишком часто видела их последние воспоминания. Верила в проклятия, потому что однажды проснулась с чужим именем на языке и неделю не могла вспомнить собственное. Верила даже в то, что некоторые люди заслуживают казни, хотя за годы работы с покойниками убедилась: мёртвые редко бывают такими невиновными, какими их представляют родственники.

Но призраки?

Нет. Призраки были слишком удобным объяснением для всего, чего люди не желали понимать.

Поэтому, когда девушка в сером платье исчезла, Вера решила, что устала, испугалась и, возможно, вдохнула слишком много испарений из той отвратительной чаши, которую заметила на столе.

А потом посмотрела на Каэла.

Он стоял у двери, прижав ладонь к груди.

И улыбка, которую Вера успела заметить на его лице перед появлением незнакомки, исчезла без следа.

— Вы её видели? — спросила Вера.

— Кого?

— Не притворяйтесь идиотом. У вас это плохо получается.

Каэл опустил руку.

— В комнате никого не было.

— Прекрасно. Значит, я окончательно сошла с ума. Всегда хотела, чтобы это случилось в подвале, среди засохшей крови и подозрительных книг.

— Вы разговаривали с кем-то?

— С девушкой в сером платье. Она утверждала, что вы её убили.

Каэл не шелохнулся.

Вера внимательно следила за его лицом. Она ожидала гнева, возмущения или хотя бы привычной холодной насмешки. Но он смотрел на неё так, словно услышал не обвинение, а приговор, который давно ждал.

— Что ещё она сказала? — спросил он.

— Что вы убьёте её снова.

— Она назвала своё имя?

— Нет. Но, кажется, вы и без меня знаете, кто это.

Каэл отвернулся.

— Нам нужно уходить.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Вы слышали меня. Я сказала «нет». Мне надоело бегать по вашему дворцу, спускаться в тайные проходы и узнавать о собственной жизни от незнакомых девушек, которые появляются из воздуха. Я хочу ответы.

— Ответы не спасут вам жизнь.

— А ваше молчание, как я вижу, прекрасно справляется с обратной задачей.

— Вера...

— Кто она?

Каэл сжал челюсти.

— Человек, которого я любил.

Вера замолчала.

Он произнёс это без пафоса, без попытки оправдаться. И именно поэтому слова прозвучали страшнее любого признания.

— И вы её убили, — тихо сказала Вера.

— Да.

Она ожидала, что он добавит что-нибудь ещё. Что объяснит обстоятельства, расскажет о проклятии, о договоре, о необходимости или хотя бы о том, что девушка сама попросила его об этом.

Но Каэл молчал.

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Вы могли бы хотя бы попытаться объяснить.

— Мог бы.

— Вы невыносимы.

— Вы уже говорили.

— А вы не становитесь лучше.

— Я не обещал.

Она отвернулась, чтобы скрыть внезапную растерянность.

Ей приходилось иметь дело с убийцами. Некоторые плакали, другие кричали, третьи до последнего утверждали, что ничего не сделали. Но Каэл не пытался отрицать собственную вину. Он просто носил её в себе, как носил бы оружие, которое нельзя снять с пояса.

Возможно, именно поэтому он пугал её сильнее остальных.

Человек, который не оправдывается, не обязательно раскаялся.

Иногда он просто решил, что прощение ему больше не нужно.

— Почему вы не сказали мне раньше? — спросила Вера.

— Потому что вы не спрашивали.

— Я не знала, что мне нужно спрашивать!

— Теперь знаете.

Вера резко повернулась к нему.

— Вы когда-нибудь пробовали разговаривать с людьми так, чтобы они не испытывали желания ударить вас чем-нибудь тяжёлым?

— Да.

— И?

— Не помогло.

Она всё-таки рассмеялась.

Смех вышел коротким, нервным, совершенно неуместным. Каэл посмотрел на неё с едва заметным удивлением, словно не мог решить, следует ли считать это признаком безумия.

— Что? — спросила Вера.

— Ничего.

— У вас такое лицо, будто вы впервые слышали смех.

— Возможно, так и есть.

На этот раз она не нашла, что ответить.

И почему-то именно эта фраза осталась с ней, когда Каэл открыл дверь и повёл её из подземной комнаты.

Они поднялись по узкой лестнице и вышли в длинный коридор, которого Вера прежде не видела.

Вдоль стен горели синие лампы. Их свет не освещал предметы, а словно вытягивал из них тени, оставляя мебель и картины плоскими, почти нарисованными. На полу лежал густой ковёр цвета запёкшейся крови.

За окнами начинался рассвет.

Но солнце не поднималось.

Бледный свет завис над горизонтом, будто утро забыло, что должно делать дальше.

— Почему не наступает день? — спросила Вера.

— Потому что колокол трижды объявил о моей смерти.

— И теперь солнце отказывается вставать из-за дурных манер колокола?

— В королевстве есть вещи, которые подчиняются древним законам. Иногда они не слишком разумны.

— Как удобно. Можно объяснить ими всё что угодно.

— Именно поэтому люди так любят древние законы.

Они прошли мимо высокого зеркала в серебряной раме.

Вера мельком взглянула на отражение и остановилась.

Каэл стоял рядом с ней.

Она тоже.

Но между ними, в глубине зеркала, виднелась третья фигура.

Девушка в сером платье.

Она стояла за плечом Каэла и держала ладонь у его груди.

Вера резко обернулась.

Позади никого не было.

— Что случилось? — спросил Каэл.

— Ничего.

Он посмотрел на зеркало.

Его отражение смотрело прямо на Веру.

А затем, когда сам Каэл уже отвернулся, отражение медленно подняло руку и прижало палец к губам.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Нам нужно разбить это зеркало, — сказала она.

Каэл остановился.

— Почему?

— Потому что оно мне не нравится.

— Это зеркало старше королевства.

— Тем более. Оно наверняка успело накопить множество неприятных привычек.

Он несколько секунд смотрел на неё, потом перевёл взгляд на отражение.

— Не смотрите в него слишком долго.

— Почему вы не сказали этого раньше?

— Потому что обычно люди не пытаются спорить с зеркалами.

— Обычно люди не видят в них мёртвых девушек.

Каэл резко повернулся к ней.

— Вы снова её видели?

Вера поняла, что сказала лишнее.

— Нет.

— Вы лжёте.

— А вы, оказывается, умеете распознавать ложь. Удивительно, что при таком таланте вы до сих пор не раскрыли убийство наследного принца.

Каэл шагнул к ней.

— Вера, если вы видите её, вы должны говорить мне об этом.

— Почему?
— Потому что она не может находиться здесь.
— Вы уже говорили, что её нет.
— Я сказал, что не вижу её.
— Какая тонкая разница.
— Разница между тем, что вы видите, и тем, что существует, иногда стоит жизни.

Вера посмотрела на зеркало.

Отражение снова было обычным.

Только теперь она заметила на серебряной раме крошечные буквы.

Они были вырезаны настолько мелко, что прочесть их можно было, лишь приблизившись.

ПАМЯТЬ — ЭТО ДВЕРЬ. ЛЮБОВЬ — КЛЮЧ.

Вера отступила.

— Каэл, — позвала она.

Но он уже смотрел на надпись.

Его лицо изменилось.

— Не читайте её вслух, — произнёс он.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

— Хотя теперь мне особенно хочется узнать, что будет, если прочитать.

— Ничего хорошего.

— Вы говорите это обо всём.

— Потому что вы упорно интересуетесь тем, что может вас убить.

— А вы упорно водите меня туда, где это происходит.

Каэл не ответил.

Он схватил со стены тяжёлый бархатный занавес и накрыл зеркало. Затем снял с пальца серебряное кольцо и провёл им по раме.

Раздался тонкий звон.

На мгновение Вера увидела, как под тканью что-то шевельнулось.

Будто отражение попыталось выбраться наружу.

Каэл спрятал кольцо.

— Идёмте.

— Куда?

— В библиотеку.

— Зачем?

— Там есть кое-что, что вы должны увидеть.

Вера посмотрела на занавешенное зеркало.

— Надеюсь, на этот раз это будет книга.

— Именно.

— И в ней не будет моего имени?

Каэл помолчал.

— Не обещаю.

Королевская библиотека занимала два этажа западной башни. Её потолок терялся в сумраке, а книжные полки поднимались так высоко, что верхние ряды приходилось доставать с помощью движущихся лестниц. На галереях стояли бронзовые статуи людей с закрытыми глазами. Вера заметила, что у каждой статуи на груди была вырезана маленькая дверь.

Пахло пылью, воском и старыми чернилами.

Здесь было тихо.

Настолько тихо, что Вера слышала, как шуршит ткань её платья, когда она идёт.

— Итак, — сказала она, — вы привели меня в библиотеку. Я должна найти книгу о девушке, которую вы убили сто семьдесят лет назад, о договоре с существом из мира мёртвых или о том, как избавиться от палача, который не умеет отвечать на вопросы?

— Последнее вам не поможет.

— Я заметила.

Каэл остановился у стола, на котором лежали несколько старых фолиантов.

— Мне нужна книга о первых казнях после заключения договора.

— Вы хотите рассказать мне, как стали палачом?

— Нет. Я хочу выяснить, почему договор начал меняться.

— А он меняется?

Каэл снял перчатку.

На его ладони больше не было крови. Рана затянулась, но под кожей остался тонкий серебристый след, похожий на шрам.

— Раньше я не чувствовал боли, — сказал он. — Не чувствовал холода, усталости, голода. Моё сердце не билось. Я мог провести ночь в снегу и не заметить, как наступило утро.

— Звучит удобно.

— Я не мог спать.

— Уже не так удобно.

— И не мог забывать.

Вера перестала улыбаться.

Каэл посмотрел на полки.

— Каждая смерть оставалась со мной. Не только последние воспоминания. Я чувствовал страх, боль, отчаяние. Иногда мне казалось, что я знаю о человеке больше, чем он сам. Его детство, его первую любовь, его последние мысли. Всё это оставалось внутри меня.

— И вы никогда не пытались избавиться от этих воспоминаний?

— Пытался.

— И?

— Они не мои, но и не чужие. Когда я забираю смерть, она становится частью меня.

Вера вспомнила, как прикасалась к телам покойников. Она видела последние минуты их жизни, но воспоминания исчезали, стоило ей отнять руку. Иногда оставался неприятный осадок, иногда — чужая боль, но никогда она не чувствовала, что умершие живут внутри неё.

— А что изменилось теперь? — спросила она.

Каэл посмотрел ей в глаза.

— Теперь я чувствую собственное тело.

— После того, как я коснулась вас?

— Да.

— Значит, я могу вернуть вам жизнь?

— Возможно.

— А могу отнять её?

— Возможно.

Вера вздохнула.

— Вы когда-нибудь отвечали на вопрос словом, которое не означает «возможно»?

— Да.

— И каким же?

— «Нет».

Она закатила глаза.

— Не понимаю, почему король вообще доверяет вам казни.

— Потому что я всегда исполняю приговор.

— Даже если человек невиновен?

Каэл посмотрел на неё долгим взглядом.

— Раньше я не задавал таких вопросов.

— А теперь?

— Теперь я пытаюсь понять, почему вы задаёте их так, словно уже знаете ответ.

Вера отвернулась.

Ей не хотелось признавать, что она действительно кое-что понимала. Она видела достаточно мёртвых, чтобы знать: иногда человек способен совершить чудовищный поступок не потому, что любит зло, а потому, что слишком сильно любит что-то другое.

Но это не делало поступок менее чудовищным.

И не означало, что его можно простить.

— Вот книга, — сказал Каэл.

Он вытащил с нижней полки толстый том в чёрном переплёте. На обложке не было названия, только круглый знак, похожий на закрытый глаз.

Когда он положил книгу на стол, все свечи в библиотеке погасли.

Вера вздрогнула.

— Это у вас обычная реакция книг на читателей?

— Только у этой.

— Разумеется.

Каэл открыл том.

Первые страницы были пустыми. Затем, прямо у них на глазах, на пожелтевшей бумаге проступили строки.

Вера наклонилась ближе.

В год Чёрного солнца король Эдвард Второй приказал казнить всех носителей запретной магии.

Она прочла следующую строку.

Последним палачом стал Каэл Вейр, сын безымянной женщины и королевского солдата.

Вера удивлённо посмотрела на него.

— Вы были простолюдином?

— Я был сыном женщины, которая умерла при родах, и солдата, который не знал о моём существовании.

— И король доверил вам казни?

— Я был хорош в своём деле.

— Какое скромное признание.

Каэл не отреагировал.

Вера продолжила читать.

В первый год казней палач исполнил сто двенадцать приговоров. Во второй — сто сорок семь. На третий год он отказался от награды короля и попросил руки дочери придворного лекаря.

Вера подняла глаза.

— Вы были женаты?

— Нет.

— Но просили руки девушки.

— Да.

— И что случилось?

Каэл закрыл книгу.

— Мы пришли не за этим.

Вера положила ладонь на обложку, не позволяя ему убрать том.

— Вы ведь понимаете, что теперь я не отстану?

— Понимаю.

— Тогда расскажите.

Он долго смотрел на её руку, лежавшую поверх книги.

— Я любил её, — сказал он наконец. — Но она не стала моей женой.

— Почему?

— Потому что я был палачом.

— Это не ответ.

— Для неё — был.

Вера убрала руку.

Она не знала, что сказать. Впервые Каэл не отталкивал её загадкой, а просто показывал часть своей жизни — маленькую, болезненную, не предназначенную для чужих глаз.

И, возможно, именно поэтому ей хотелось узнать больше.

— Как её звали? — спросила Вера.

Каэл посмотрел на закрытую книгу.

— Лиора.

Имя прозвучало тихо, почти бережно.

Вера почувствовала неожиданную укол ревности и тут же разозлилась на себя за эту нелепость. Она едва знала Каэла. Он был опасен, лжив и, вероятно, виновен в преступлении, которое не могла себе даже представить. У неё не было ни единой причины ревновать его к мёртвой девушке.

Тем более к девушке, которую он сам убил.

— Она обладала запретной магией? — спросила Вера.

Каэл поднял голову.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы говорите о ней так, будто её смерть до сих пор имеет над вами власть.

Он ничего не ответил.

Но книга раскрылась сама.

Страницы быстро перелистнулись, остановившись на середине тома.

Там была иллюстрация.

Девушка в сером платье стояла посреди каменного круга, окружённая чёрными корнями. Её лицо было скрыто тенью, но на запястьях виднелась красная нить, завязанная тремя узлами.

Вера почувствовала, как похолодели пальцы.

Та самая нить.

Та самая, которую она видела в воспоминании.

Под рисунком было написано:

**ЛИОРА ЭСТЕЛЬ. НОСИТЕЛЬНИЦА ПАМЯТИ. ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ДОМА,
КОТОРЫЙ ПОМНИТ СМЕРТЬ.**

Вера перечитала надпись.

Потом ещё раз.

— Эстель, — произнесла она.

Каэл молчал.

— Моя фамилия — Эстель.

— Я умею читать.

— Тогда объясните, почему моя фамилия написана рядом с именем девушки, которую вы убили сто семьдесят лет назад.

— Я пока не знаю.

Вера посмотрела на него.

— Вы лжёте.

— Возможно.

— Каэл!

— Я сказал, что пока не знаю. Это не значит, что у меня нет подозрений.

— И какие же?

Он медленно перевернул страницу.

На следующей было написано всего несколько строк.

Дом Эстель был уничтожен после казни Лиоры. Все его представители признаны мёртвыми. Единственная выжившая девочка исчезла в ночь, когда остановилось сердце последнего палача.

Вера почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног.

— Нет, — прошептала она.

Она читала дальше, но слова расплывались перед глазами.

Имя девочки не сохранилось. Её кровь была запечатана. Её память — разделена.

Вера резко закрыла книгу.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что я родилась в нижнем городе. Моя мать умерла, когда мне было семь. Отец исчез ещё раньше. Я не принадлежу никакому древнему дому, и уж точно не являюсь потомком девушки, которую вы убили сто семьдесят лет назад.

— В книге не сказано, что вы её потомок.

— Тогда что означает «её кровь была запечатана»?

Каэл посмотрел на неё с таким выражением, что Вера впервые пожалела о своём вопросе.

— Я не знаю.

— Хватит!

Её голос разнёсся по библиотеке.

Где-то наверху хлопнула дверь. В бронзовых статуях разом открылись глаза.

Вера отступила от стола.

— Вы знали, что я связана с ней.

— Я подозревал.

— И всё равно привезли меня сюда?

— Да.

— Почему?

Каэл не ответил сразу.

— Потому что вы единственная, кто может помочь мне разобраться в договоре.

Вера почувствовала, как внутри поднимается холодная ярость.

— Значит, всё это время вы использовали меня.

— Я использовал возможность.

— Какая тонкая разница.

— Вера...

— Нет. Не надо. Вы не можете одновременно спасти меня и считать инструментом.

— Я не считаю вас инструментом.

— Тогда почему не сказали правду?

Он посмотрел на неё.

— Потому что боялся, что вы сбежите.

Вера замерла.

Это было первое по-настоящему честное признание, которое она услышала от него.

И оно оказалось хуже любой лжи.

— Вы боялись, что я сбегу, — медленно повторила она. — Значит, вы действительно считаете, что я могу вам помочь.

— Да.

— И что именно я должна сделать?

Каэл не успел ответить.

Книга захлопнулась с таким грохотом, что со стола посыпалась пыль.

Затем в глубине библиотеки раздался голос.

Мужской.

Спокойный.

Знакомый.

Тот самый голос, который Вера слышала в последних воспоминаниях Эдгара Молла.

— Каэл Вейр. Как давно мы не виделись.

Палач мгновенно заслонил Веру собой.

— Не двигайтесь, — приказал он.

— Вы уже говорили это, — прошептала она.

— И вы ни разу не послушались.

— У меня есть причины.

— Я заметил.

Из-за книжных стеллажей вышел мужчина в тёмном костюме.

Его лицо по-прежнему скрывала тень, хотя ни одна свеча в библиотеке не горела. Он двигался легко и бесшумно, словно не шёл по полу, а скользил над ним.

Вера узнала его голос.

Тот, кто убил Эдгара.

Тот, кто приходил к её двери.

Тот, кто знал о Лиоре.

— Вы, — произнесла она.

Мужчина слегка наклонил голову.

— Рад, что вы меня помните.

— Я помню ваш голос. Лица я так и не видела.

— Лица часто обманывают.

— А голоса, разумеется, никогда.

Незнакомец тихо рассмеялся.

— Вы умнее, чем я ожидал.

— А вы менее оригинальны, чем я надеялась.

Каэл шагнул вперёд.

— Зачем ты пришёл?

— Предупредить тебя.

— О чём?

— О том, что ты совершил ошибку.

— Я совершаю их уже сто семьдесят лет. Придётся уточнить.

Мужчина повернул голову к Вере.

— Ты позволил ей прикоснуться к тебе.

Каэл не ответил.

— Она увидела Лиору, — продолжил незнакомец. — Значит, память начала возвращаться.

Вера почувствовала, как сжалось горло.

— Что значит «возвращаться»?

Мужчина не обратил на неё внимания.

— Если ты проведёшь обряд на рассвете, король получит не того, кого ждёт. Ты прекрасно это знаешь.

— Я не собираюсь проводить обряд.

— Ты уже отказался однажды. И посмотри, чем всё закончилось.

Каэл медленно сжал кулаки.

— Уходи.

— Ты не можешь заставить меня.

— Могу попытаться.

— И снова потерять её?

В библиотеке стало холодно.

Вера увидела, как изменилось лицо Каэла. Не страх, не гнев — нечто более страшное. Боль, которая перестала быть воспоминанием и снова стала настоящей.

Незнакомец повернулся к Вере.

— Вы хотите знать, кто убил наследного принца?

— Да.

— Тогда спросите палача, почему его имя появилось на колоколе рядом с именем Адриана.

Каэл резко двинулся вперёд, но мужчина уже отступал в тень.

— И ещё кое-что, Вера Эстель, — произнёс он. — Если хотите дожить до седьмого дня, не позволяйте Каэлу Вейру снова полюбить вас.

— Почему?

Незнакомец остановился.

На мгновение Вера увидела край его лица: бледную щёку и тонкий шрам, уходящий от виска к подбородку.

— Потому что в прошлый раз он уничтожил не только женщину, которую любил.

Тень сомкнулась вокруг него.

— Он уничтожил целый род.

Мужчина исчез.

В библиотеке снова зажглись свечи.

Вера стояла неподвижно, пытаясь осмыслить услышанное.

Лиора Эстель.

Дом, уничтоженный после её казни.

Выжившая девочка, чья память была разделена.

И Каэл, который боялся, что она сбежит, потому что нуждался в её помощи.

Она медленно повернулась к нему.

— Вы собирались рассказать мне обо всём этом?

— Да.

— Когда?

— Когда буду уверен, что это правда.

— А если бы я не увидела книгу?

Каэл молчал.

— Вы бы продолжали использовать меня, ничего не объясняя?

— Я бы постарался вас защитить.

Вера невесело усмехнулась.

— Вы всё время путаете эти вещи.

Она направилась к выходу.

Каэл не остановил её.

И почему-то именно это причинило ей больше боли, чем если бы он схватил её за руку.

У самой двери Вера обернулась.

— Ещё один вопрос.

— Какой?

— Когда вы убили Лиору, она знала, что вы её любите?

Каэл долго смотрел на неё.

— Да.

— И всё равно не простила?

Он опустил глаза.

— Она не успела.

Вера вышла из библиотеки, оставив его наедине с книгой, которая хранила слишком много мёртвых имён.

К полудню солнце так и не поднялось.

Дворец постепенно возвращался к жизни, но делал это неохотно. Стражники избегали смотреть друг другу в глаза. Слуги шептались у дверей. На лестницах пахло ладаном, а у входа в тронный зал кто-то поставил чашу с солью — старинный способ защититься от духов, в который королевские советники якобы не верили.

Вера шла по коридору одна.

Каэл не последовал за ней.

Она не знала, радоваться этому или беспокоиться.

У поворота её остановил мальчик лет двенадцати в ливрее дворцового слуги. Он был бледен, худ и так сильно сжимал в руках маленький свёрток, что костяшки пальцев побелели.

— Госпожа Эстель?

Вера насторожилась.

— Что тебе нужно?

— Мне велели передать это вам.

Он протянул свёрток.

— Кто велел?

— Не знаю. Он оставил его на кухне.

— Кто?

Мальчик испуганно посмотрел по сторонам.

— Мужчина. В чёрном. Он сказал, что вы поймёте.

Вера не стала брать свёрток сразу.

— Как он выглядел?

— Я не видел его лица.

— Конечно, — пробормотала она. — Было бы слишком просто.

Она забрала свёрток. Мальчик тут же отступил и почти бегом исчез за углом.

Внутри лежал небольшой деревянный футляр, перевязанный красной нитью.

Тремя узлами.

Вера долго смотрела на неё, прежде чем развязать.

В футляре лежало серебряное кольцо с тёмным камнем. На внутренней стороне были выгравированы две буквы.

Л. Э.

Под кольцом находилась сложенная записка.

Вера развернула её.

Почерк был мелким, аккуратным, почти девичьим.

«Если ты читаешь это, значит, он снова начал чувствовать.»

Не верь ему, когда он скажет, что хочет умереть.

Не верь ему, когда он скажет, что хочет жить.

И никогда не отдавай ему сердце.

Потому что однажды он уже забрал мою».

Вера перечитала записку.

Потом перевернула её.

На обратной стороне стояла всего одна строка:

СПРОСИ У НЕГО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С СЕРДЦЕМ АДРИАНА.

Вера медленно опустила руку.

Где-то далеко, в восточной части дворца, раздался крик.

Затем — звон разбитого стекла.

И наконец голос короля Эдмунда, гремевший по коридорам:

— Найдите палача! Немедленно!

Вера спрятала кольцо и записку в карман.

Она ещё не знала, что произошло с наследным принцем. Не знала, почему её фамилия оказалась связана с именем девушки, убитой сто семьдесят лет назад. Не знала, кто был незнакомцем и почему так настойчиво пытался заставить её усомниться в Каэле.

Но теперь у неё был вопрос, на который палач обязан был ответить.

Что случилось с сердцем Адриана?

И почему в тот самый миг, когда Вера решила найти Каэла, её собственное сердце ударило в груди трижды — так же, как колокол памяти?

На третьем ударе серебряное кольцо в её кармане стало горячим.

А в глубине дворца кто-то прошептал:

— Наконец-то ты вспомнила, Вера.

Глава 6. Сердце наследника

Серебряное кольцо прожигало карман.

Вера вытащила его и едва не выронила. Тёмный камень, ещё минуту назад холодный и непрозрачный, теперь светился изнутри тусклым красным светом. Три выгравированные буквы проступили на его поверхности, словно их выжигали невидимым пером.

Л. Э.

Вера сжала кольцо в ладони.

— Если ты собираешься взорваться, — прошептала она, — предупреждаю: я не в настроении.

Кольцо ответило ударом.

Не звоном, не вспышкой — коротким толчком, от которого у Веры занемела рука.

А затем из глубины дворца донёсся голос короля:

— Найдите Каэла Вейра! Закройте все выходы! Никого не выпускать!

За ним последовали быстрые шаги, лязг оружия и шум множества голосов.

Вера сунула кольцо обратно в карман и направилась к восточному крылу.

Если король искал Каэла, значит, палач либо снова совершил что-то ужасное, либо оказался единственным человеком, которого можно было в этом обвинить. Судя по тому, как складывались последние события, оба варианта казались одинаково вероятными.

Она свернула за угол и столкнулась с двумя стражниками.

— Стоять!

Вера остановилась.

Один из них, широкоплечий мужчина с седыми усами, узнал её и тут же потянулся к мечу.

— Вы не имеете права покидать отведённые вам покои.

— А вы не имеете права хватать меня за руку без разрешения. Видите, как много интересного мы оба узнали?

— Именем короля...

— Да-да, именем короля мне запрещено дышать, ходить и, вероятно, думать без письменного разрешения. Я уже слышала.

Второй стражник нахмурился.

— Нас предупредили, что вы опасны.

— Кто именно?

— Канцлер Освальд.

— Тогда передайте канцлеру, что я польщена. Обычно опасными считают людей, у которых есть власть, деньги или хотя бы приличный нож. У меня нет ничего из перечисленного.

— Отойдите от неё, — раздался голос позади.

Стражники вытянулись.

Каэл стоял в нескольких шагах от них. На нём был тот же чёрный костюм, но ворот рубашки расстёгнут, а на лице появилась странная бледность, которой Вера раньше не замечала.

Он выглядел так, словно не спал несколько ночей.

Хотя, если вспомнить, он вообще не мог спать.

— Господин Вейр, — произнёс старший стражник. — Приказ короля...

— Я знаю приказ короля.

— Тогда вы должны немедленно явиться в тронный зал.

— Должен?

В голосе Каэла не было угрозы. И всё же оба стражника отступили.

— Да, господин.

— Передайте королю, что я приду, когда закончу.

— Но...

Каэл посмотрел на него.

— Хотите объяснить мне, как исполнять приказы?

Стражник побледнел.

— Нет, господин.

— Прекрасно. Тогда займитесь чем-нибудь полезным.

Оба мужчины поспешили скрыться за поворотом.

Вера проводила их взглядом.

— Вы всегда так разговариваете с подчинёнными?

— У меня нет подчинённых.

— А как же стражники?

— Они подчиняются королю.

— А вы?

Каэл посмотрел на неё.

— Я подчиняюсь приговору.

Вера хотела спросить, что это значит, но передумала. У неё было слишком много вопросов, и каждый новый ответ, казалось, порождает ещё три.

Она достала из кармана кольцо.

— Это вам знакомо?

Каэл мгновенно изменился в лице.

Он не попытался взять кольцо. Не спросил, откуда оно у неё. Только уставился на тёмный камень так, словно тот мог укусить.

— Где вы его нашли?

— Мне передали.

— Кто?

— Мужчина в чёрном. Разумеется, без лица.

Каэл медленно поднял на неё глаза.

— Что ещё он передал?

Вера вынула записку.

Каэл прочитал её молча.

С каждым словом его лицо становилось всё более неподвижным. Когда он дошёл до последней строки, пальцы на бумаге побелели.

— Что случилось с сердцем Адриана? — спросила Вера.

Каэл сложил записку.

— Нам нужно идти.

— Нет. Вы уже второй раз за утро пытаетесь увести меня от ответа. Боюсь, если это продолжится, я начну подозревать, что вы что-то скрываете.

— Я скрываю многое.

— Неужели? А я-то думала, что вы просто не умеете разговаривать.

Он не улыбнулся.

— Вера, послушайте меня внимательно. Что бы вы ни услышали в ближайшие несколько минут, не повторяйте это вслух.

— Почему?

— Потому что кольцо принадлежало Лиоре.

Вера посмотрела на серебряное украшение.

— Вы сказали, что она умерла сто семьдесят лет назад.

— Она умерла.

— Тогда почему её кольцо появилось здесь?
Каэл перевёл взгляд на записку.
— Потому что кто-то хочет, чтобы вы вспомнили.
— Что именно?
— То, что произошло до вашего рождения.
Вера почувствовала, как по коже пробежал холодок.
— Вы сами слышите, насколько безумно это звучит?
— Да.
— И всё равно продолжаете?
— Я не умею лгать достаточно хорошо, чтобы сделать это правдоподобным.
— Вот в этом я с вами согласна.
Она спрятала кольцо, но записку оставила в руке.
— Значит, вы знаете, что случилось с сердцем Адриана.
— Я знаю, что оно исчезло.
— Когда?
— В ночь его смерти.
— А кто его забрал?
Каэл посмотрел в сторону восточного крыла.
— Вот это мы и должны выяснить.

Тело наследного принца находилось в старой часовне, которую много лет не использовали для богослужений.

Вера почувствовала запах смерти ещё до того, как они подошли к двери.

Он был знакомым: холодная сырость, железо и слабый аромат горьких трав, которыми придворные лекари пытались скрыть неизбежное. Но здесь к ним примешивалось нечто другое — сладковатый запах цветов, пролежавших слишком долго в закрытой комнате.

У входа стояли четверо стражников.

Увидев Каэла, они расступились без единого слова.

Внутри часовни царил полумрак. Цветные стёкла высоких окон давно потемнели, и солнечный свет, так и не сумевший пробиться сквозь облака, оставлял на каменном полу лишь тусклые пятна. В центре помещения стоял каменный стол, накрытый белой тканью.

Под ней лежал Адриан Эйрвенский.

Вера остановилась.

Она видела много мёртвых людей. Стариков с высохшими лицами, детей с разбитыми лбами, солдат, чьи тела приносили с поля боя, преступников, которых казнили на площади.

Но наследный принц выглядел иначе.

Его кожа была слишком бледной, почти прозрачной. Губы приобрели сероватый оттенок. На груди не было ран, на шее — следов удушения. Если бы не неподвижность тела, можно было бы подумать, что Адриан просто спит.

— Когда его нашли? — спросила Вера.

— На рассвете, — ответил Каэл.

— Кто обнаружил тело?

— Его личный слуга.

— И где он сейчас?

— В темнице.

Вера повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что он утверждает, будто видел, как принц разговаривал с мёртвым человеком.

— И вы решили, что лучший способ проверить его слова — запереть его?

— Это решение короля.

— Удивительно, как часто в этом дворце самые глупые решения оказываются решениями короля.

Каэл промолчал.

Вера подошла к каменному столу и осторожно откинула ткань.

Адриан был молод. На вид ему едва исполнилось двадцать пять. Тёмные волосы лежали на лбу, одна рука была согнута у груди, а другая вытянута вдоль тела. На пальце правой руки темнело широкое золотое кольцо с гербом Эйрвенов.

Вера наклонилась ближе.

— Вы сказали, что у него исчезло сердце. Но грудь не вскрыта.

— Именно.

— Тогда как оно могло исчезнуть?

— Я надеялся, что вы мне это объясните.

Она посмотрела на Каэла.

— Вы привели меня сюда, чтобы я использовала свой дар?

— Да.

— А если я увижу что-то, что вам не понравится?

— Я выслушаю вас.

— И не станете отрезать мне язык?

— Не стану.

— Какое облегчение. Король, вероятно, будет разочарован.

Каэл снял перчатку и протянул ей.

— Вам понадобится это.

Вера посмотрела на перчатку, затем на него.

— Вы предлагаете мне прикоснуться к мёртвому принцу?

— Я предлагаю вам не прикасаться к нему голой рукой.

— Почему?

— Потому что его смерть не похожа на обычную.

— А ваша, как я понимаю, совершенно обыкновенная?

— Нет.

— Тогда хотя бы в чём-то мы с вами разобрались.

Она надела перчатку.

Кожа была мягкой, почти тёплой. На внутренней стороне сохранился слабый запах дыма и железа.

— Вы носите перчатки не только для того, чтобы скрывать знак? — спросила Вера.

— Нет.

— Тогда зачем?

Каэл посмотрел на тело принца.

— Чтобы не прикасаться к живым.

Вера не стала задавать следующий вопрос.

Она уже знала, что прикосновение к Каэлу возвращало ему способность чувствовать. Но теперь впервые задумалась о другом: что происходило с ним, когда он касался остальных?

Возможно, он боялся не того, что мог причинить им боль.

Возможно, он боялся того, что мог почувствовать сам.

Вера осторожно коснулась запястья Адриана.

И мир раскололся.

Сначала она слышала музыку.

Тихую, едва различимую мелодию, которую кто-то играл на фортепиано в соседней комнате. Затем — смех. Звон бокалов. Шелест дорогих тканей.

Адриан стоял у высокого окна в просторном зале, залитом золотистым светом.

Он был жив.

На нём был тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой, а на губах играла улыбка человека, который привык получать всё, чего пожелает. В руке он держал бокал, но почти не пил. Его взгляд был устремлён на дверь.

— Ты опоздал, — сказал принц.

— Я пришёл вовремя.

Вера вздрогнула.

Голос принадлежал незнакомцу в чёрном.

Она не видела его лица. Воспоминание словно намеренно скрывало его, оставляя лишь силуэт, тёмную одежду и длинные пальцы, украшенные серебряными кольцами.

— Для меня ты всегда опаздываешь, — ответил Адриан.

— Тогда, возможно, тебе стоит научиться ждать.

Принц усмехнулся.

— Я не привык ждать.

— Я заметил.

Незнакомец прошёл к столу и положил на него маленькую шкатулку.

Адриан перестал улыбаться.

— Ты принёс её?

— Ты просил.

— Открой.

Мужчина не двинулся.

— Сначала скажи, зачем она тебе.

— Это не твоё дело.

— Тогда не стоило звать меня во дворец.

Адриан поставил бокал на стол.

— Ты забываешься.

— Нет, ваше высочество. Я прекрасно помню, кто вы такой. Именно поэтому и пришёл.

Принц помолчал, затем открыл шкатулку сам.

Внутри лежало маленькое человеческое сердце.

Оно было чёрным, будто обугленным, и опутанным тонкими серебряными нитями. Несмотря на свой вид, оно билось.

Вера почувствовала, как её собственное сердце ускорило ритм.

— Оно настоящее? — спросил Адриан.

— Да.

— И оно принадлежало...

— Не произносите это имя.

Принц усмехнулся.

— Ты боишься её?

— Я боюсь не её.

— Тогда чего?

Незнакомец наклонился к шкатулке.

— Того, что произойдёт, когда она проснётся.

Адриан закрыл крышку.

— Она не проснётся. Ты сам говорил, что она мертва.

— Я говорил, что её тело мертво.

— Какая разница?

— В этой разнице и заключается всё.

Принц отвернулся к окну.

— Мне нужно вернуть отца.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Король Эдмунд? — прошептала она, хотя понимала, что её никто не слышит.

Нет. Воспоминание было старше. Адриан говорил о ком-то другом.

О короле, который умер до рождения принца.

О том, чьё имя запретили произносить при дворе.

Незнакомец тихо рассмеялся.

— Ты хочешь вернуть мёртвого короля, чтобы он сел на трон и снова правил королевством?

— Я хочу вернуть справедливость.

— Справедливость? — переспросил мужчина. — Какое удобное слово для человека, который готов украсть чужое сердце.

Адриан резко обернулся.

— Ты обещал помочь мне.

— Я обещал показать путь.

— Это одно и то же.

— Нет.

Принц с силой ударил ладонью по столу.

— Ты не понимаешь! Мой отец был единственным человеком, который мог остановить то, что происходит в этом королевстве. Нынешний король боится собственной тени. Канцлер торгует жизнями людей. А палач...

Он замолчал.

Незнакомец приподнял голову.

— Что палач?

— Он должен был умереть сто семьдесят лет назад.

Вера перестала дышать.

— Но он всё ещё жив, — продолжил Адриан. — И пока он жив, договор не может быть завершён.

— Ты знаешь, что произойдёт, если он умрёт?

— Да.

— Тогда ты знаешь и цену.

Принц посмотрел на шкатулку.

— Одно сердце.

— Нет, Адриан. Не одно сердце.

Незнакомец приблизился к нему.

— Чтобы вернуть мёртвого короля, тебе понадобится сердце, которое принадлежит живому, душа, которая помнит смерть, и кровь последнего наследника.

Адриан побледнел.

— Ты сказал, что мне понадобится только сердце.

— Я сказал, что сердце откроет дверь.

— Ты солгал!

— Я позволил тебе услышать то, что ты хотел.

Принц отступил.

— Убирайся.

— С удовольствием.

Мужчина направился к выходу, но у двери остановился.

— И ещё, ваше высочество. Если вы увидите девушку в сером платье, не пытайтесь с ней заговорить.

Адриан застыл.

— Почему?

Незнакомец медленно повернул голову.

— Потому что она не помнит, кто её убил.

Он исчез за дверью.

Адриан остался один.

Несколько секунд он смотрел на шкатулку, затем открыл её и вынул сердце.

Оно билось на его ладони.

Раз.

Другой.

Третий.

Принц поднёс его к груди.

И сердце исчезло.

Не провалилось внутрь. Не растворилось в воздухе. Оно словно вспомнило, где должно находиться, и вернулось туда, откуда его когда-то вырвали.

Адриан резко вдохнул.

Его глаза почернели.

А за окном на мгновение появилось лицо девушки в сером платье.

Она улыбалась.

— Наконец-то, — прошептала она.

Вера отдернула руку.

Её качнуло, и она едва не упала. Каэл успел подхватить её за локоть.

— Что вы увидели?

Она тяжело дышала.

— Сердце...

— Какое сердце?

— Оно было в шкатулке. Чёрное, опутанное серебряными нитями. Адриан забрал его и вложил себе в грудь.

Каэл побледнел ещё сильнее.

— Вы уверены?

— Я видела это собственными глазами!

— Что ещё?

Вера закрыла глаза, пытаясь восстановить последовательность событий.

— Адриан хотел вернуть мёртвого короля. Того, который умер до его рождения. Он говорил, что пока вы живы, договор не может быть завершён.

Каэл медленно выпрямился.

— Кто ещё был в комнате?

— Мужчина в чёрном. Тот самый, которого я слышала в воспоминаниях Эдгара. Я не видела его лица, но голос узнала.

— Он назвал своё имя?

— Нет. И ещё... он сказал Адриану, что для возвращения короля понадобятся три вещи: сердце живого, душа, которая помнит смерть, и кровь последнего наследника.

Каэл посмотрел на принца.

— Последний наследник...

— Что?

— Адриан был единственным ребёнком короля.

Вера медленно повернула голову.

— Вы хотите сказать, что он собирался пожертвовать собой?

— Возможно.

— Но зачем ему было отдавать собственную жизнь ради возвращения какого-то мёртвого короля?

— Потому что этот король был его отцом.

— Но его отец — Эдмунд!

— Не тот отец, о котором он говорил.

Каэл замолчал, словно сам не был уверен, стоит ли продолжать.

Вера почувствовала, как в голове складывается чудовищная картина.

— Кто умер сто семьдесят лет назад?

— Король Эдвард Второй.

— Тот, который приказал казнить всех носителей запретной магии?

— Да.

— И вы были его палачом.

— Да.

— Тогда зачем Адриану понадобилось возвращать человека, который устроил эти казни?

Каэл посмотрел на неё.

— Потому что Эдвард не просто казнил носителей запретной магии. Он пытался уничтожить саму память о них.

Вера вспомнила слова из книги.

Её кровь была запечатана. Её память — разделена.

— Лиора была одной из них?

— Да.

— И вы её убили.

— Да.

Она отвернулась.

Ей хотелось ударить его. Не потому, что она считала его единственным виновником всех бед, а потому, что каждый новый ответ делал его всё более непостижимым. Он признавался в убийстве так же спокойно, как другой человек признался бы в том, что забыл закрыть окно.

— Почему вы это сделали? — спросила она.

Каэл долго молчал.

— Потому что думал, что спасаю её.

— От чего?

— От короля. От казни. От самой смерти.

Вера невесело усмехнулась.

— И в итоге убили.

— Да.

— Вы ужасно справляетесь со спасением людей.

— Я знаю.

Он не стал оправдываться.

И это снова разозлило её.

— Перестаньте!

Каэл посмотрел на неё.

— Что?

— Перестаньте соглашаться со всем, что я говорю! Вы совершили ошибку, и я хочу знать, почему. Вы не можете просто признать, что виноваты, и надеяться, что на этом разговор закончится.

— Я ничего не надеюсь.

— Тогда чего вы хотите?

Он открыл рот, но не ответил.

Вера вдруг поняла, что Каэл не знает.

За сто семьдесят лет он научился исполнять приговоры, терпеть боль, скрывать чувства и не задавать лишних вопросов. Но когда его спросили, чего он хочет сам, у него не нашлось ответа.

И почему-то это оказалось страшнее его признания.

— Вы хотите умереть? — спросила она.

Каэл посмотрел на неё.

— Да.

— Почему?

— Потому что я устал жить.

— Нет. Это не ответ.

Он молчал.

Вера сделала шаг ближе.

— Вы хотите умереть, потому что считаете себя чудовищем? Или потому, что надеетесь снова увидеть Лиору?

Впервые за всё время Каэл отступил от неё.

— Не задавайте этот вопрос.

— Почему?

— Потому что я не знаю, какой ответ будет правдой.

Вера не успела ничего сказать.

Двери часовни распахнулись.

На пороге стоял король Эдмунд. За его спиной теснились канцлер Освальд, придворные лекари и стражники.

Лицо короля было серым от ярости.

— Что вы сделали? — спросил он.

Каэл поклонился.

— Ваше Величество.

— Я приказал найти вас, а не позволял устраивать тайные представления над телом моего сына!

— Я не трогал принца.

— Тогда почему он изменился?

Вера посмотрела на Адриана.

Она не заметила ничего нового. Его тело по-прежнему лежало на каменном столе, руки были сложены вдоль туловища.

Но теперь на груди, под тканью рубашки, проступал слабый красный свет.

Сердце билось.

Вера слышала его.

И, судя по выражению лица короля, он тоже.

— Что это? — прошептал Эдмунд.

Каэл заслонил собой Веру.

— Всем отойти от тела.

— Я король этого государства!

— А я знаю, что произойдёт, если вы останетесь здесь.

Освальд выступил вперёд.

— Вы не имеете права приказывать королю!

Каэл повернул голову.

— Тогда отойдите сами, канцлер.

— Я требую объяснений!

— Вы их не получите.

Освальд побагровел.

— Ваше Величество, вы слышите? Этот человек открыто бросает вызов короне!

Король не ответил.

Он смотрел на тело сына.

Красный свет под тканью становился ярче.

Раз.

Два.

Три удара.

Вера почувствовала, как кольцо в её кармане нагревается. Серебряная нить, которой оно было перевязано, словно ожила и начала медленно затягиваться вокруг её пальцев.

А затем Адриан открыл глаза.

Они были совершенно чёрными.

— Отец, — произнёс принц.

Король сделал шаг вперёд.

— Адриан?

— Не подходи.

Голос принца был тихим, но в нём звучали сразу два голоса: молодой и старческий, человеческий и нечеловеческий.

Эдмунд застыл.

— Сын мой...

— Я сказал, не подходи!

Каменный стол треснул.

Стражники выхватили мечи. Один из лекарей упал на колени, бормоча молитву. Освальд отступил за спину короля.

А Каэл смотрел на Адриана так, словно перед ним стоял не наследный принц, а приговор, которого он боялся больше всех остальных.

— Что ты сделал? — спросил палач.

Адриан повернул голову.

Его чёрные глаза остановились на Каэле.

И принц улыбнулся.

— То, на что у тебя не хватило смелости.

Вера услышала тихий треск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.